Г. Нагаев

КОНСТРУКТОР ШПАГИН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Документальная повесть Г. Нагаева рассказывает о замечательном изобретателе и конструкторе Герое Социалистического Труда Георгии Семеновиче Шпагине. В книге раскрывается процесс формирования характера рабочего-изобретателя, его постепенный рост как человека, всю свою жизнь посвятившего созданию оружия для воинов Советской Армии. Главное в повести — показ творческих поисков конструктора в период создания им важнейшего изобретения — автомата ППШ (пистолет-пулемет Шпагина), хорошо знакомого каждому участнику Великой Отечественной войны.

- Герман Нагаев
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47

Герман Нагаев
Конструктор Шпагин

1

Герой Социалистического Труда Георгий Семенович Шпагин

— Давай, давай, забирай левее… Подтянись! — кричал грузный фельдфебель.

Пыля огромными сапогами, он взбежал на бугорок и, топорща усы, гаркнул:

— Эй ты, лапоть, куда потащился?.. Вороти назад!

Тощий парнишка, согнувшийся под тяжестью сундука и гармони, свесив лохматую голову и не глядя вперед, устало шагал

по проселку. Выругавшись, фельдфебель догнал его и с размаху ударил в ухо:

— Иди в ворота, раззява!..

Паренек пошатнулся, засеменил по кругу, но все-таки удержался на ногах.

— Я те научу, подлец, слушать команду, — захрипел фельдфебель. — Марш в ворота!

Паренек сплюнул и, сердито бормотнув что-то, присоединился к толпе.

Новобранцев загнали во двор, обнесенный забором. Побросав сундуки, мешки, баулы, они сразу же кинулись к колодцу. Напившись из деревянной тяжелой бадьи, расселись на пыльной траве — кто покурить, кто переобуться.

— Эх, соснуть бы теперь с устатку!

— Оно бы и перекусить не мешало…

— Хоть бы докурить дали — и то спасибо!..

На крыльцо дома воинского начальника вышел окруженный офицерами седоусый полковник.

— Ссстрой-ся! — закричали в несколько глоток унтеры.

Новобранцы вскочили, начали поднимать мешки, прилаживать сундуки.

— От-ста-вить! — врезаясь в толпу, заревел фельдфебель. — Не слышали команды, сукины дети?! Вещи оставить, сами за мной!

Рекрутов построили в две шеренги перед крыльцом. Они стояли пыльные и потные, в старомодных картузах, в треухах, а иные и вовсе с непокрытой головой; кто в армяке, кто в пиджаке, кто в пестрядинной рубахе; лишь некоторые в сапогах, а большинство в опорках да лаптях. Одни — совсем юноши, только пробиваются усы, другие — уже служившие, заросли бородами и выглядят, как деды.

Полковник осмотрел строй, поморщился и, ничего не сказав, направился в дом… Скоро туда же начали выкликать призванных.

День стоял тихий. Небо было подернуто легкой дымкой, Пекло.

Расстегнув пропотевшую рубаху, лохматый паренек уселся в тени под рябиной, задремал.

— Ишь, совсем разморило парня, — сказал щупленький рыжеусый рекрут, с морщинистым лицом.

— Жидковат, видать, для войны, — бросил здоровенный детина.

— Не гордись, паря, она и тебя обломает. Я вон японскую оттопал, а не скажу, что мне дюже сладко, — заметил пожилой крестьянин.

Он вынул из мешка старый солдатский котелок, сходил к колодцу за водой и, подойдя к пареньку, вылил ему на голову. Тот сразу пришел в себя, вытер подолом рубахи лицо и с благодарностью посмотрел на односельчанина.

— Что, очухался?

— Спасибо, Антип Савельич, а то башку разламывало.

— Теперь ничего?

— Ишо в правом ухе звенит.

Антип усмехнулся в усы:

— То-то, будешь помнить фельдфебеля. Первое крещение прошел.

Новобранцы громко захохотали.

— Тише, лешие! Кого-то выкликают.

— Шпагин! — кричал писарь с крыльца.

— Тебя, Егорка, беги! — толкнул Антип. — Да не бойся шибко-то — я так думаю, что тебя забракуют.

Егорка вскочил, побежал к крыльцу.

— Антиресно, по какой-такой статье забракуют? — полюбопытствовал другой бывалый солдат.

— У него большой палец не тае…

— У меня шурин вовсе без глаза — и то взяли… чай три года воюем…

— Мало ли что… у каждого своя планида.

— Шу-хов, на комис-сию! — разнеслось по двору.

— Это меня, робята, — сказал Антип, — присмотрите тут за мешком да за Егоркиной гармонью.

— Ладно, не тревожься, все будет в целости…

В просторной комнате за зеленым столом сидело начальство. Тут же несколько человек в белых халатах осматривали голых новобранцев. Егорка оробел, попятился.

— Куда ты? — прикрикнул на него лысый толстяк в халате. — А ну, разоблачайся, да побыстрей!

Егор стал снимать рубаху, косясь на лысого. В это время вошел Антип.

— Чего жмешься, Егорка, тут баб нет. — Он быстро, по-солдатски разделся. Егор, последовав его примеру, стыдливо подошел к лысому.

— Ну что, руки-ноги целы, вояка?

— Палец у него не тае, господин фельдшер.

— Показывай! Так… не владает, значит?.. Мм-да… Похоже, тебя не возьмут, парень.

Егора подвели к большому столу, за которым сидели трое военных. Просмотрев бумаги, один из них, в белом кителе, блеснул стеклышками пенсне в сторону Егора и прошипел сквозь

зубы:

— Годен!

— Господин доктор, у него большой палец не владает… — начал было фельдшер.

— Годен! — громко повторил штабс-капитан, надменно взглянув на фельдшера.

— Одевайся! — скомандовал Егору какой-то военный.

— Да я же по инструкции не подхожу, у меня палец…

— Молчи, болван, доктор лучше знает…

2

Вечером, после бани, остриженный наголо, одетый в солдатское, Егор выпросил у кого-то в казарме зеркальце и, глянув, не узнал себя. Он трогал ладонью шершавую голову и недовольно поводил бровями.

— Что, не узнаешь свою личность? — с улыбкой спросил Антип, обнимая его за плечи. — Не тужи, поначалу-то завсегда так. А потом ничего… свыкнешься…

Антип отошел шага на три, окинул быстрым взглядом Егора.

— Ну ж и обрядили тебя, ядрена-лапоть, хоть сейчас на огород — ворон пугать. Никак пятый нумер на тебя напялили?

— Какое дали. Мерку никто не сымал.

— Если б глянула на тебя теперь Дуняшка — прощай любовь!

— Хватит, Антип Савельич, и так тошно.

— Да ведь я шутя, Егорка… На меня глянь — тоже, как елка без веток. Зато на солдат стали похожи. На то — служба!

Егор, ничего не ответив, ушел в угол, сел на топчан.

Только теперь он понял, что прежней жизни пришел конец. Не сегодня-завтра могут послать на фронт, а там, может быть, и — прощай белый свет…

Егору вспомнилась родная деревня, затерявшаяся среди полей и лесов. Отцовский домик с резными наличниками у окон, с рябинами у плетня. Вспомнилась тропинка во ржи, где последний раз гуляли с Дуняшкой. Вспомнилась и она, веселая, кареглазая. «Эх! — вздохнул Егор, — даже и попрощаться-то как следует не довелось…»

Егора и Антипа определили в запасный батальон. Утром, чуть свет, выгоняли за город на большую поляну: обучали шагистике, воинским уставам, отданию чести. Так как на весь батальон оказалось всего две винтовки, стрелковым приемам обучали с палками.

Антип, прошедший японскую войну, был явно недоволен.

— Ну, паря, с таким снаряжением нас могут научить лишь, как улепетывать от ерманца.

— Может, это и к лучшему, — откликнулся другой бывалый солдат, — необученных на фронт не пошлют — там вояки нужны.

— Похоже, что мы и взаправду пока тут останемся. Нас так и прозывают: «резервники».

— Дай бог, дай бог! Башку-то под пули подставлять кому охота?..

Прошло еще несколько дней. Солдаты успокоились, приободрились, дали знать родным. После занятий разбредались

по городу: кто к женам, приехавшим из деревень, кто к родителям… Но вдруг как-то ночью забили барабаны, затрубили трубы: тревога!

В казарме раздались заспанные голоса унтеров:

— Выходи, стройся с вещами!

Солдаты всполошились. Одевались суматошно: кто не мог попасть в рукав, кто в штанину. Выходили напуганные.

— Куда это погонят?

— Там объявят, поторапливайся!..

Батальон построили и пешим порядком двинули к вокзалу, где уже стоял наготове красный состав.

Погрузку произвели быстро под крики и ругань унтеров и фельдфебелей. Вагоны закрыли. Вдоль состава поставили часовых.

— Прямо как арестантов везут, — послышался чей-то голос в темноте.

— Раз под конвоем — значит, на фронт.

— Как же на фронт, ведь мы не обучены?

— Там научат. — хрипловато сказал Антип, устраиваясь на нарах. — Война, братец мой, всему научит…

Стало тихо, лишь откуда-то из мрака доносились крики офицеров, ржание лошадей да грохот и скрип телег. В задних вагонах и на платформах продолжалась погрузка.

Прошло около часа, и все затихло.

Но вот мимо крупным шагом прошли двое с фонарем. Послышались какие-то голоса, и резко прозвучал кондукторский свисток. Ему надтреснутым гудком ответил паровоз. Состав заскрипел, заскрежетал и пополз.

Многие солдаты испуганно закрестились — первый раз ехали на «машине». Кто-то сокрушенно вздохнул:

— Эх, даже попрощаться не дали, сволочи!

— Ладно хныкать-то! Заводи-ка лучше песню, — посоветовал Антип. — Егорка, где у тебя гармонь?

— Гармонь-то тут, да не до нее теперь…

— Брось, паря, солдату унывать не приходится. У тебя зазноба осталась, а у меня четверо ребятишек. Чего же мне тогда делать?.. Давай гармонь сюда — и баста! Разгоним тоску.

Антип нащупал в темноте гармонь и, пройдясь по ладам, лихо затянул:

Ты, милашочка, не пой,
Да я топерича не твой,
Я теперь казенный сын.
Эх, под начальством под большим…

3

Поезд продвигался медленно. И чем ближе к фронту, тем опустошеннее казалась земля. Станционные здания облупились — четвертый год не ремонтировались. Привокзальные базары опустели. Редко-редко какая старушонка вынесет бутылку молока или цыпленка. На полях за плугами ходили женщины да подростки.

— Похоже, всех мужиков пожрала война, — вздыхали солдаты и отворачивались от двери. А навстречу, как назло, тянулись и тянулись составы с красными крестами на вагонах. Десятки тысяч раненых, искалеченных людей везли в тыл. И каждому хотелось жить! Пусть безрукому, пусть безногому, пусть слепцу, а все-таки — жить! Некоторые высовывались в окна, махали руками. Что они хотели сказать?..

Солдаты угрюмо молчали… думали. Что их ждет: вечный покой в братских могилах или ползание по папертям церквей с горькими возгласами: «Подайте милостыньку инвалиду войны!»?

Уже давно миновало то время, когда на фронт ехали с лихими песнями. Затянувшаяся война осиротила миллионы крестьянских семей. И какие бы ни говорили речи, что бы ни писали в газетах — простым людям было ясно: война несет разорение, опустошение, гибель. Она не может дать народу ни земли, ни воли, ни счастья. А умирать за царя-батюшку охотников оказывалось все меньше и меньше.

Командир полка, опасаясь за боевой дух маршевых рот, приказал ротным на станциях выпускать солдат из вагонов, устраивать пляски под гармонь.

Настроение заметно переменилось. Но после одной такой пляски в Вязьме недосчитались сразу пятерых солдат… Пляски прекратили.

Опять нудная, трясучая дорога. Опять тоска… Антип пытался развлечь солдат рассказами про японцев, про то, как был в плену. Показывал приемы «джиу-джитсу». Его слушали охотно, посмеивались. Он умел ввернуть меткое словечко, прибаутку, даже сыграть на ложках. Солдатам нравился его веселый нрав, и даже Егор, которого нестерпимо грызла тоска, как-то смягчался, веселел.

Но однажды, кажется в Минске, когда эшелон стоял на запасном пути, к вагону подошли две девочки.

— Дяденьки-солдатики, подайте Христа ради!

Обе они были в лохмотьях. Одна лет семи, а другая совсем

маленькая.

Антип выпрыгнул из вагона, поднял меньшую на руки и, отыскав в кармане завалявшийся кусок сахару, вложил в худенькую ручку.

Девочка жадно засунула его в рот.

— Ах, жалость-то какая, — вздыхал Антип, — нечем вас угостить-побаловать.

— Нам бы хоть корочку.

— А мамка-то где у вас?

— Мамка в больнице, в тифу, — сказала старшая, — с бабушкой мы…

Зазвенел колокол.

— По ва-го-нам! — раздалась команда.

Антип опустил девочку, кинулся к вагону: — Дайте-ка мне мешок, ребята, да скорее!

Подали мешок. Антип быстро развязал его. Положил в подольчик маленькой горсть сухарей, а большой подал аккуратно завязанный в тряпицу кусок сала.

— Нате да бегите к бабушке. Только не торопитесь, глядите, чтобы вас машина не задавила. — И, понукаемый офицером, уже на ходу вскочил в вагон. Он забился в угол и притворился спящим. Ни днем, ни вечером от него не слышали шуток…

На одной большой станции эшелон остановился рядом с составом раненых. Солдаты заглядывали в окна, завешенные марлей, старались увидеть раненых, поговорить с ними. Санитары сердито махали руками, отгоняли от окон. Но вдруг отворилась дверь вагона и солдат в белье, с забинтованной рукой вышел и сел на ступеньку.

— Браточки, не скрутите ли цигарку?

— Сейчас, сейчас, мигом! — заторопился Антип. — У меня махорочка кременчугская. — Быстро свернув цигарку, он подал раненому. Закурили.

— В руку раненный?

— Да уж руки-то нет, одна кость осталась.

— Что ты, как же это? — спросил молодой солдат.

— Благодарю бога, что голову унес!.. Ад видел кромешный… Ей-богу, не вру. Мы глыбко окопались — пули да и снаряды не берут, так германец по нас «чемоданами»…

— Ишь ты, значит, озверел?!.

— Это, братцы мои, такой снаряд «чемоданом» прозывается… Агромадный, как боров… Один не разорвался, так его на двух лошадях еле увезли. И вот как он этот «чемодан» запустит — тут тебе и братская могила! Солдат гибнет — страсть!..

— Ты сам что, тоже под «чемодан» попадал?

— А как же! Я в окопе сидел. Стреляли. Вдруг ж-ж-жжж — летит! Я голову-то нагнул, а руку не успел от приклада отдернуть, так ее будто топором — тюк, и готово!..

— А у нас, стало быть, нет таких «чемоданов»?

— И, где там, — раненый махнул здоровой рукой, — винтовок-то не на всех хватает. Целые дивизии в резерве стоят. Так и воюем. Мы их пульками да матюгом, а они нас «чемоданами». Ну да сами скоро увидите…

После встречи с ранеными из состава дезертировали еще несколько человек. Вагоны закрыли наглухо и до самого фронта солдат везли как арестантов.

4

Шпагин лежал на нарах и думал. Мысли были самые невеселые. Грызла тоска по дому, по родным… Вспоминалось пережитое, особенно детство. Картины минувшего представлялись так живо, словно все это было на днях.

На двенадцатом году жизни, когда Егор кончил приходское училище, отец Семен Венедиктович, которого в деревне звали «Веденеич», просмотрел похвальный лист и, бережно свернув его в трубочку, положил за икону.

— Ну, Егорша, молодцом! Кончил науки, теперь будем о делах думать…

Осенью, когда отмолотились, отец купил Егору новые лапти и объявил, что возьмет его в город на заработки. Матери было велено отрезать ему холста на портянки и дать теплые носки. Мать, хотя и ожидала этого известия со дня на день, все же растерялась: на лицо пала бледность, губы задрожали, из глаз покатились неудержимые слезы.

— Что ты, Веденеич, — запричитала она дрогнувшим голосом, — какой из него работник, ведь всего двенадцатый годок!..

— Ничего, ничего, мать, я меньше его в люди пошел, — пробасил отец, — небось не пропадет, со мной будет.

Егору давно хотелось увидеть город, и он поддакнул отцу;

— Я уж не маленький, маманя, на молотьбе целый уповод снопы подавал.

— То — то и оно… подрос парень — и нечего баклуши бить… а дома и без него пятеро ртов…

Мать притихла, ушла в горницу и там молча плакала, уткнув лицо в платок. Когда отлегло от сердца, засуетилась, стала готовить в дорогу харчи, штопать одежонку, сушить сухари…

Уложив в повозку немудреный инструмент, старенький войлок с лоскутным одеялом, мешок с сухарями и узелок с едой, по первому санному пути отец с товарищами и Егоркой выехали в город. Четверо односельчан отправились туда еще по теплу и поступили в плотницкую артель, работавшую по подряду на строительстве завода. Они-то и дали знать Семену Венедиктовичу, что работы довольно и чтобы он с товарищами поспешал, а то как бы подрядчик не нанял других.

Семен Венедиктович считался плотником первой руки. Дюжий, неторопливый в движениях, с рыжеватой окладистой бородой, он выглядел степенным, был спор на руку и сообразителен в деле. Срубы ли рубить, косяки ли ставить, рамы

ли вязать — ловчее его не найти! Быть бы Семену артельным, да не позволяла нога: он был хром, несподручен ходить по лесам.

— Если бы не нога, разве лазил бы я по стропилам! — не раз говаривал он, сокрушенно вздыхая. — Нога мне, как шлагбаум, дорогу перекрыла…

Деревенские старики помнили Семена лихим парнем: первым потешником на гулянках, неутомимым плясуном. Когда забрили лоб, Семен и тогда не пал духом. Его за лихость определили в уланы, и он сделался бравым кавалеристом. Но однажды в лагерях ему дали чужую норовистую лошадь. На учении лошадь испугалась выскочившего из кустов зайца, шарахнулась в овраг и выбросила Семена из седла. Он сломал ногу. Нога срослась неудачно, и Семен остался хромым.

Со службы он вернулся другим человеком. От былой лихости не осталось и следа. Хромота словно узду накинула на его стремления и мечты. «Нет уж, теперь баста, — сказал он сам себе, — должно, на веку написано — ходить в плотниках». Решив так, Семен не долго печалился. Он обзавелся семьей, стал крестьянствовать, а с осени колесить с плотницкой артелью по многим городам необъятной Руси.

Малоземелье и недороды испокон веку давили владимирского мужика. С незапамятных времен владимирские крестьяне приучались к ремеслу, чтобы не пойти с сумой. Которые потолковей, шли в богомазы — украшали «святые храмы». Эта профессия считалась наиболее выгодной и заманчивой, и, несмотря на презрительную кличку «владимирские богомазы», в иконописцы стремились многие. Но давалось это дело далеко не всякому. Иконописанием промышляли больше палешане да мстерцы, другие шли в плотники, печники, каменотесы. Исстари повелось в этих местах сызмальства обучать сыновей ремеслу. И Семен Шпагин повел сына по той же исхоженной дорожке…

Они приехали в город уже затемно. С трудом разыскали на постройке около штабелей с лесом занесенную; снегом землянку, где разместилась плотницкая артель. Землянка оказалась довольно просторной и сухой. От раскаленной плиты тянуло теплом, пахло горячими щами. Навстречу вошедшим из-за стола, стоявшего посредине, поднялся небольшой бойкий старичок с козлиной бородкой и хитроватым взглядом.

— Добро пожаловать, почтенные! — приветствовал он. — А уж мы, было, депешу посылать собирались, ждамши-пождамши… Ну, располагайтесь тут на нарах, будьте как дома.

— Благодарствуем! — сказал Семен, крестясь и снимая тулуп. Остальные последовали его примеру, потом сложили вещи,

подсунули под нары инструмент, помыли руки в углу у рукомойника и сели за стол к большому артельному чайнику.

— А что, оголец-то проводить приехал али тоже плотничать надумал? — хитровато прищурясь, спросил артельный.

— Думаю к рукомеслу приучать, — ответил Семен.

— Ну-к что ж… его пока к Дарье в помощники поставим, — указал артельный на стряпуху, возившуюся у плиты, — будет щепу собирать.

— Самое его дело! — ответил голос с нар.

— Я согласен! — бойко отозвался Егор.

— Ишь, расторопный малый… А как звать-то тебя? — спросил артельный.

— Егоркой!

— Вона! Выходит, тезки мы с тобой… Я тоже Егорий.

— Теперь два святителя у нас будут, — усмехнулась стряпуха.

— На тебя, Дарья, хоть десять поставь, ты все равно грешить не бросишь.

— Аль позавидовал, угодничек? — огрызнулась Дарья, состроив рожу бородачу на нарах.

— Будя вам! — примиряюще сказал артельный.

— Ну ты, Егорий младший, — позвала Дарья, — пойдем, что ли, за щепками.

Егор выскочил из-за стола и, накинув шубейку, вопросительно взглянул на отца.

— Иди, иди, привыкай! — сказал отец. — Я тоже с этого начинал.

5

Егор быстро освоился с обязанностями помощника стряпухи. С утра принявшись за дело, он до полудня успевал запасти щепок столько, что не сжечь до ночи, и после обеда уходил к отцу: присматривался, кое в чем помогал. Он легко усвоил названия незнакомых инструментов, знал, для чего и как их применять. Присматриваясь к мастерам, приобрел кое-какие навыки и решил сам попробовать плотничать. Как-то набрав горбылей, которые не шли в дело, он потихоньку перетаскал их к землянке. Где-то раздобыл несколько стояков и принялся за дело, задумав сколотить сарай для щепок.

Вечером, возвратясь с работы, плотники удивились:

— Неужто Егорка сбил?

Артельный сам осмотрел сарай, попробовал, крепко ли он сколочен, и остался доволен.

— Да ты, малый, башковит, однако. Ужо я велю, чтобы тебе подыскали какую-нибудь работу на постройке.

После этого разговора Егор стал стараться еще больше и набил щепками сарай до самой крыши.

— Работящ у тебя сын-то, Веденеич, — сказал артельный. — Ты вели-ка ему прийти завтра в обед, погляжу я, не сгодится ли он при деле…

И вот Егора поставили на обстругивание досок. Он взялся за дело горячо и довольно ловко орудовал шершеткой, но доски были сыроваты, неподатливы. Проработав часа два, Егор взмок.

— Золотой ты малый, — осмотрев его работу, сказал артельный, — но жидковат и мал для нашего дела. Побудь пока при стряпухе, а подрастешь я сам возьму тебя в помощники.

Егора эти слова обидели, и он перестал ходить на постройку. Отец, заметив обиду сына, как-то сказал ему:

— Ты не горюй, Егорша. Вот ужо вернемся домой-то, и тебя так поднатаскаю в нашем деле, что любой мастер в подручные возьмет.

— Я и сейчас бы мог, только…

— Ладно, сейчас еще мал… побудь пока при стряпухе, а когда будет тоскливо, приходи ко мне, присматривайся. А на артельного серчать нечего… другой то же бы сказал…

С наступлением морозов к стряпухе Дарье, дородной, краснощекой бабе, повадился бывший матрос, здоровенный детина, Федор Охрименко. Все знали его как участника Цусимского боя. Ходил он в распахнутом бушлате, выставляя напоказ вылинявшую тельняшку, и лихо заламывал бескозырку с

потускневшими золотыми буквами: «Сысой Великий».

Как только появлялся «Хведор», стряпуха менялась в лице, добрела и ласково выпроваживала Егора, иногда даже давала семишник на семечки.

— Ты сходи, Егорушка, навести отца да посмотри, что деется на постройке-то…

Когда Егорка возвращался, матрос обычно бывал уже навеселе и охотно пускался в рассказы про Цусиму. Память у него была замечательная. Он наперечет знал названия русских и японских судов, помнил не только фамилии, но и имена многих командиров. Разложив на длинном столе щепки, он наглядно показывал, как шли наши корабли, как японские, изображая то кильватерную колонну, то строй пеленга, то фронта, то клина. Рассказывая о самом себе, он приводил множество холодящих душу подробностей, сыпал непонятными словами: полундра, спардек, отсеки, склянки, рында, румбы, реляции. Егорка слушал его, затаив дыхание, рисуя в воображении жестокий морской бой. Иногда, в середине рассказа, матрос вдруг умолкал, вытирал рукавом навернувшиеся слезы и, вскинув голову, запевал:

И судно охвачено морем огня,
Настала минута прощанья…

Наслушавшись рассказов матроса, Егорка иногда вскакивал ночью и выкрикивал непонятные слова: «Асахи»! «Минаса»! «Мацусима»!..

Рассказы о Цусимском сражении крепко врезались ему в память, вызвав в душе горячий интерес к морю, к мужественным и смелым русским матросам, к грозным крейсерам и стремительным миноносцам. И хотя он за зиму успел многому научиться в плотницком и столярном деле, это занятие теперь как-то стало меньше нравиться ему. Егора влекло море. Очень хотелось стать моряком.

Весной, вернувшись в деревню, Егорка собрал мальчишек и долго им рассказывал страшные истории про морские баталии, про битву при Цусиме. Все вместе они пошли обследовать небольшую речушку за деревней и, облюбовав в ней тихую заводь, решили, что это замечательная гавань для стоянки флота. По предложению Егорки решено было построить свою тихоокеанскую эскадру. Егорка отыскал подаренный матросом журнал, где был изображен героический крейсер «Варяг» и несколько новых броненосцев, погибших в цусимском сражении. По облику этих судов и решено было строить эскадру.

Как-то утром, когда отец выехал в поле на пахоту, Егорка

вытащил во двор его инструменты, созвал ребят и «постройка кораблей» началась. Работа подвигалась довольно быстро, так как в дело были пущены заготовленные отцом сухие доски и липовые чураки. Но в тот момент, когда Егорка выравнивал высокий нос крейсера «Варяга», острая стамеска сорвалась с дерева и впилась ему в, руку. Залитый кровью, он прибежал к матери. Сбежались соседи, вызвали бабку Акулину, но кровь остановить никто не мог.

Прискакавший на взмыленной лошади отец супонью перетянул руку Егорки, уложил его в тарантас и отвез в город. Егора положили в больницу.

6

Вернувшись домой, Егор ничем не хотел напоминать о своем увечье. Он делал всякую работу по дому, даже помогал соседям. Но отец никак не мог забыть про его искалеченный палец: потихоньку обдумывал, подыскивал для Егора подходящее место. Как-то вернувшись из города, он собрал всех домочадцев и, перекрестясь, объявил:

— Ну, молитесь богу за Егорку всей семьей — хорошее место ему приискал. Купец Андреев, из Рыльска, свояк нашего подрядчика, сулил взять к себе в лавку. Будет учить на приказчика. Житье на всем готовом, да еще жалованье пятнадцать целковых в месяц.

— Слава те господи! — перекрестилась бабка.

— А через два года, как обучит, — продолжал отец, — обещал справить новые сапоги и костюм.

— Счастье-то какое, — со слезами сказала мать, — лишь бы не передумал только.

— Да уж передумывать-то резону нет — тридцать целковых вперед дал… Ты, стало быть, мать, снаряжай его в дорогу. Завтра должны быть в городе.

Отец посмотрел на Егора, ласково потрепал его по плечу:

— Ну что, доволен, корабельщик?

Егор усмехнулся, промолчал.

— Ой, господи, а вдруг да не поглянется ему? — опять вздохнула мать. — Ну-ка, сладко ли малому одному-одинешеньку у чужих-то людей… Небось и кормить-то не досыта будут.

— Не бойся, с голоду не умрет. Не хныкать, а радоваться надо! Ты-то чего молчишь, Егор?

Егор улыбнулся, бодро вскинул голову:

— Я ничего… Я поеду!..

Купец Андреев оказался небольшим пухленьким человечком, с маленькими колючими глазками и толстыми губами. Егора он встретил довольно приветливо:

— Если будешь стараться и слушаться — выведу в люди и награжу! Только у меня ни-ни! Вольностев не допускаю.

— Он парень работящий, а уж насчет честности и говорить нечего… — сказал отец.

— Слышал! Потому и везу бог знает куда…

Но торговая карьера Егора оборвалась так же неожиданно, как и началась.

Месяца через два по распоряжению хозяина один из приказчиков отвез Егора на хутор Андреевку и передал из рук в

руки рыжебородому дюжему мужику Фролу, который правил там всеми делами.

Фрол, оглядев щупленькую фигуру Егора, задумчиво почесал бороду.

— Ты что, родственником доводишься хозяину-то?

— Какой он родственник, — вмешался приказчик, — учеником в лавку был взят, да проштрафился… хозяину согрубил. Гордости в нем больно много. Вот тот и велел его сюда спровадить. Пусть, говорит, Фрол, его уму-разуму научит…

— Так, значит, вроде в работники его?

— Да уж это как вашей душе угодно…

— Ладно, скажи хозяину, что я его к месту определю. Век будет помнить андреевский хутор…

Приказчик распрощался и уехал.

Фрол, хотя и крут был на руку, но ничего не делал опрометчиво; он пригласил Егора в дом, решив сначала хорошо допросить.

Егор сразу почуял во Фроле своего врага, но не испугался и решил рассказать все, как было.

— За собакой в лавке велел убрать, а я не послушался…

Фрол задумался, долго теребил бороду, поглядывая на Егора.

— Да, дерзко себя повел… не по годам дерзко…

— Я же нанимался не дерьмо убирать.

— Н-да… тяжело тебе, парень, придется в жизни… А ежели в работники определю — и вовсе хана… Ну, да и я бываю лют не со всеми… Коров случалось пасти?

— Как же, в деревне рос, — обрадованно сказал Егор.

— Ладно, пошлю тебя помощником к пастуху.

— Спасибо! — оживившись, сказал Егор.

— Сегодня переночуй с работниками на сеннике, а завтра с утра переправим тебя на тот берег Сейма: будешь жить с дедом Макаром… Моли бога, парень, что ко мне попал… Другой бы тебя в дугу согнул, за хозяина-то…

Егор сразу же подружился с подслеповатым пастухом дедом Макаром. Жили в сторожке. Дед не разлучался с выношенным полушубком, старым, облезлым псом Полканом и с еще более старым, чем они оба, дробовиком.

Немного дальше, по ту сторону хлевов и навесов для скота, была еще одна хибара, в которой жил старый егерь Никанор, оставленный тут за сторожа. Других жителей на этом берегу не было.

Чуть занималось утро, уж с того берега слышались крики перевозчика, позвякивание подойников и женские голоса — это бабы ехали доить коров. Со вступлением их на левый берег дед

будил Егора — для пастухов начинался трудовой день. Едва бабы успевали подоить коров, как пастухи, щелкая бичами, выгоняли стадо в луга.

Егору нравилось встречать красочные восходы солнца на широких луговых просторах, когда оно, вставая из-за темного леса, окрашивало все вокруг в пурпур и золото.

А как хорошо было выкупаться в сонной, еще не успевшей остынуть за ночь реке; босиком пробежаться по росистой траве за ушедшими к лесу коровами; попить чайку с земляникой у костра под могучим вязом.

В ненастную погоду, когда лили надоедливые дожди, он любил посидеть в шалаше, послушать рассказы деда Макара или старого егеря Никанора. Никанор жил в Заречье за сторожа, но промышлял рыбой — поставляя ее к столу хозяина, а по весне и осеки добывал дичь. Он, как всякий рыбак и охотник, любил порассказывать про свои былые успехи. А так как других слушателей, кроме пастухов, не было, Никанор большую часть времени проводил в шалаше у Макара. Егору неплохо жилось со стариками: он чувствовал себя вольготно, отдыхал душой.

Но неожиданно случилась беда. Как-то после дождика дед Макар направился к озеру драть лыки для лаптей. Было тихо. Воздух был пропитан запахами трав, мокрой коры и прелой листвы, отчего клонило в сон. Егор, набегавшись за день за коровами, прикорнул у старого вяза. Вдруг от озера донесся испуганный голос деда:

— Егор, Егорша, скорей!

Этот крик услыхал и Никанор. Оба они бросились в кустарник и увидели деда Макара лежащим на траве с разутой и сильно вздувшейся ногой.

— Змея проклятая укусила, сил моих больше нет… Христом-богом прошу, хоть волоком дотащите до перевоза…

Деда Макара свезли в город, в больницу, а вместо него в пастухи прислали бывшего церковного звонаря, пьяницу Онуфрия. Тщедушный, с маленькой головкой, с черными злыми глазками, он очень походил на хорька. Онуфрий сразу невзлюбил Егора и стал придумывать для него поручения, одно другого замысловатей и коварней. То велит выбрать у Никанора из морд рыбу, свезти ее на тот берег в кабак и обменять на водку. То прикажет выдаивать коров, а молоко продавать плотогонам или относить в каменный карьер рабочим. Он всячески изощрялся в изобретении способов добывания денег на водку. А напившись, нередко бил Егора.

Егор пробовал искать защиты у егеря Никанора, но тот, подпаиваемый Онуфрием, только махал рукой.

— Ничего, парень, меня еще шибче бивали…

До осени было уже не далеко, и Егор решил терпеть. Как-то он нашел в лесу заблудившегося щенка и, приютив его, привязался к нему душой. Дружба со щенком, который рос на глазах, скрашивала серые дни.

Но когда подступили холода, он не выдержал и убежал к отцу. «Коров-то пасти я и дома смогу»…

7

Отца и мать сильно взволновала его неудача выйти в приказчики.

— Дури в тебе много, Егорка, — с гневом сказал отец, — должно, мало бил я тебя сызмальства.

— В тебя он пошел, Веденеич, — сказала мать. — Вспомни, сам-то каким был смолоду. Чуть что и — распетушишься… никакой обиды стерпеть не мог…

— Нет, ты подумай только, какого места лишился, — прервал ее отец, — ведь через год в приказчики бы вышел…

— Я лучше в трубочисты пойду, чем так…

— Ну ладно, не кипятись… в трубочисты не в трубочисты, а что-то делать надо. С плотницкой работой ноне совсем худо…

— С дедом печи пойду класть.

— Ладно, поработай пока с дедом, а там поглядим, — согласился отец…

Егору вспомнилось, как осенью он ходил с дедом по деревням. Где кожух починят, где печь переберут. Дед был очень доволен помощником. Егор быстро схватывал, легко запоминал и ни от какой работы не увиливал. Однако к зиме печная работа кончилась, и Егору пришлось поехать в губернский город Владимир искать себе промысел.

Было это в 1913 году. Владимир в ту перу жил застойной, мещанской жизнью. Заводов в нем не было, фабрик тоже. Зато почти на каждом углу: то церковь, то лавка, то трактир. Егор толкнулся насчет работы на железную дорогу и в депо.

— Нету, своих сокращаем! — был ответ.

Попробовал заглянуть в лавки.

— Не нуждаемся! — отвечали ему.

С полдня пробродив по городу, Егор вышел на площадь и остановился в удивлении: перед ним вырос величественный, белый, с золотыми куполами и шпилями собор.

Как раз кончилась обедня, и из собора стали выходить горожане; больше купечество — с многочисленными семьями, в ярких одеждах; чиновники с женами и детьми; офицеры… Сквозь нарядную толпу Егор пробрался к выходу и увидел множество убогих и нищих, сидящих прямо в пыли и выставляющих напоказ свои увечья. Они жалобно пели на разные голоса одно и то же:

— Подайте милостыньку убогому Христа ради!..

— Не откажите копеечку на пропитание!..

Огромное скопление нищих удивило и раздосадовало Егора. Он направился к откосу, где стояли молодые парни, любуясь

необъятными заречными лугами, уходящими далеко за Клязьму. На том берегу, пересекая широкую луговину, далеко-далеко, к самому горизонту, к синеватым лесам, тянулась прямая, ровная дорога.

— Куда же эта дорога ведет? — спросил Егор.

— В Судогду!

— А там что, в этой Судогде?

— Царствие небесное! — съязвил один из парней.

— А чего это туда столько подвод идет? — словно не слыша издевки, спросил Егор.

— Там стекольный завод, — пояснил другой парень.

— А далеко это?

— Верст тридцать будет, а что?

— Да так, ничего… — Егор еще раз поглядел на дорогу и стал спускаться вниз…

На другой день он достиг Судогды и нанялся возчиком на стекольный завод. Работа возчика зимой нелегка, особенно в морозы и метели. Но Егор был рад и такой работе. «Все-таки заработаю на кусок хлеба, а там, может быть, удастся подыскать что-нибудь получше». Ему хотелось освоить какое-нибудь ремесло.

Иззябнув на ветру, он нет-нет да и забегал погреться в гуту (цех, где плавили стекло). С любопытством наблюдал, как стеклодувы в прожженных фартуках подходили к огнедышащим пастям стеклоплавильных печей и брали на длинные трубки комки раскаленного добела стекла. Отойдя в сторону, они начинали дуть в трубки, выдувая прозрачные пузыри, потом эти пузыри опускали в стоящие на полу формы и дули снова. Так рождались бутыли, кувшины, жбаны.

— Ты что, парень, уставился? — спросил его как-то изможденный человек в кожаном фартуке. — Никак, в стеклодувы хочешь?

— Да не знаю еще… присматриваюсь.

— А ты спытай, узнаешь, как сладка наша работа. — И он дал Егору трубку с огненным шариком на конце.

Егор вобрал в себя воздуху и начал дуть. Огненный шарик расширялся очень медленно. Егор передохнул и снова напыжился.

— Дуй! Дуй! — подбадривал стеклодув. — Не жалей силенок.

Егор опять передохнул и снова напыжился изо всех сил. У него захватило дыхание, зашумело в ушах и на глазах выступили слезы.

— Ну что, сладко? — спросил стеклодув. — Нет, парень, еще пока молод и есть силенки, беги отсюда, как можно дальше…

Иногда, чаще всего летом, Егор заглядывал в гранильный цех. Ему нравилось наблюдать за гранильщиками. Прикрыв глаза стеклянными колпаками, они огранивали графины и жбаны на тонких дисках абразивных кругов и наносили на стекло самые причудливые узоры. Среди гранильщиков были тонкие мастера «глубокой грани». По ранее нанесенному рисунку они вырезали на стекле тончайшие кружевные узоры. Егор понимал, что это не простая работа, а высокое искусство, и это его увлекало.

Он как-то сам нанес восковым карандашом инициалы с виньетками на обыкновенный стакан и, придя в гранильный, попросил одного из мастеров допустить его к диску.

Мастер встретил Егора с улыбкой, одел на него стеклянный козырек и показал, как надо пользоваться абразивным диском. Егор осторожно приступил к работе. Но не успел он сделать и десятой доли рисунка, как мастер остановил его.

— Ну, хватит, парень, запорол свое изделие начисто: в четырех местах прорезал стакан насквозь.

Егор вздохнул:

— Жалко! Хотел научиться вашему ремеслу.

— Не советую, парень. Мне тридцать шесть, а небось ты дашь все пятьдесят!

— Да, пожалуй… а почему?

— Потому что все внутренности у меня изъедены стеклянной пылью. Да так и у других — впрочем… От нее никому спасенья нет.

Егор, ничего не сказав, вышел из цеха.

8

Дела на фронте шли с переменным успехом — без особых продвижений с той или другой стороны. Это позволило только что прибывший полк оставить в резерве. Полк разместили в лесу, в палатках и землянках, оставшихся от другой части. Солдаты старались получше укрыться в землю, так как еще по пути от станции подверглись нападению немецкого самолета, сбросившего несколько бомб. Одна из них угодила в колонну, убив ротного и четверых солдат.

Новый ротный прибыл из штаба армии. На другой день по его приказу рота ушла в лес на поляну для обучения практической стрельбе. В глухом овраге установили мишени, поодаль расставили часовых. Стрельбе из винтовок обучали унтер-офицеры.

В полдень на учение приехали верхом командир полка и начальник штаба. Когда они подошли к лужайке, где лежали на животах пятеро приготовившихся к стрельбе солдат, кто-то крикнул: «Смирно!» Солдаты вскочили, вытянулись.

— Отставить! — сказал седоусый полковник и слез с лошади.

— А ну, покажите, молодцы, как вы стреляете?

Солдаты опять улеглись на траве. Справа, у начальства на виду — Егор Шпагин.

— По мишеням, на быстроту и точность, пли!

Солдаты начали стрельбу. Быстрее всех разрядил обойму Антип. Егор замешкался и кончил последним.

— Ты что лодырничаешь? — толкнул его сапогом ротный.

— Никак нет, ваше благородие, быстрей не выходит!

— Эт-то по-чему?

— У него, ваше благородие, палец не владает, — сказал Антип.

— Что такое? Покажи!

Егор вскочил, вытянулся, показал омертвевший палец.

— Не гнется, ваше благородие.

— Черт знает, что такое, — сказал, подходя, полковник, — наприсылали каких-то калек, а вы извольте воевать с ними… Капитан, отправьте этого солдата в ремонтную команду.

— Слушаюсь, господин полковник.

— Ты смыслишь в мастерстве? — спросил полковник Егора.

Тот замялся, потупился.

— Смыслит, ваше высокоблагородие, — выручил Антип, — у них вся семья мастеровые.

— Эт-то что за заступник?

— Солдат Антип Шухов, кавалер Георгия за бои под Ляояном.

— Молодцом! — похвалил полковник. — Оказывается, есть тут и настоящие солдаты…

На другой день Егора перевели в ремонтную команду, которая помещалась в старом заброшенном сарае. Он поужинал и улегся спать на нары. А ночью его растолкали товарищи:

— Вставай, Шпагин, наши уходят на передовую.

Егор со всех ног бросился к лесу — благо, светила луна и было хорошо видно. Он отыскал Антипа, крепко сжал его руку.

— Увидимся ли?

— Не знаю, Егор, на войне загадывать нельзя. А ты, коли улыбнулось счастье, держись за него обеими руками. Если и не научишься ремеслу — плевать! Теперь главное — уцелеть!

— Спасибо, Антип Савельич, что поддержал меня перед начальством, не побоялся.

— Ладно, чего тут… вот, ежели со мной что случится, уж ты того… не забудь Настасью Семеновну с ребятишками.

— Да что ты, что ты, Антип Савельич!

— Молчи, я больше тебя прожил… прощай!

Они обнялись. Егор, не в силах сдержать слезы, припал к колючей щеке Антипа. Антип отстранился.

— Ну-ну, не хнычь, выше голову! Наше дело солдатское, раскиснешь — пропадешь. — Он пожал Егоркину руку и ушел в темноту… Егор долго стоял, прислонясь к одинокой березе, и вслушивался в гул шагов роты, отчетливо отдававшихся в тишине.

9

Оружейная мастерская разместилась под брезентовым навесом, наскоро пригнанным впритык к деревенской кузнице. Кузница эта, как и все сельские кузницы, стояла на отшибе от селения, где расположился штаб полка.

Оборудование мастерской состояло из разборных верстаков с тисками, легкого сверлильного и небольшого токарного станков, походного горна да ящиков с инструментами и запасными частями для винтовок и пулеметов. Словом, в мастерской было лишь то, что без особого труда можно было перевозить на телегах.

Заглянув под навес, Егор увидел за верстаками четверых солдат. Все они сосредоточенно занимались своим делом и, казалось, были поглощены какими-то думами. Егора никто не заметил. Он подошел к самому пожилому солдату.

— Скажите, а кто тут оружейный мастер?

— В кузне он, а тебе зачем?

— Да вот послали к вам в подручные.

Солдат окинул суровым взглядом щупленького Егора.

— Ты что, из мастеровых?

— Нет, я деревенский.

— Кто там? По какому делу? — послышался глуховатый голос, и из кузницы вышел маленький пожилой человек, в унтерских погонах, с трубкой во рту.

— Новое пополнение прибыло, Яков Васильевич, с усмешкой кивнул на Егора солдат.

Егор подал записку от ротного. Мастер, посасывая трубочку, прочитал, посмотрел на Егора изучающе.

— Откуда сам-то?

— Владимирский.

— Владимирский богомаз! — бросил кто-то из солдат, и все громко захохотали.

— Не богомаз, а хрестьянин, — огрызнулся Егор.

— Мастерства не знаешь?

— Кое-что умею… с отцом и дедом в отхожие промыслы ходил.

— Что делал? — спросил мастер.

— Плотничал и печи клал.

— Чего же тебя к нам послали?

— Палец у меня не сгибается, жилы стамеской перерезал.

— Н-да… что же мне делать с тобой?.. Погоди, погоди… а ведь и для тебя, парень, есть работа, право! Да еще как

пригодишься-то. Айда-ка со мной. Там у горна кожух обвалился — вот тебе и работа на первое время.

— Это я могу, — с уверенностью сказал Егор и пошел за мастером.

— Ты гляди, — усмехнулся рыжеусый солдат, — из молодых, да ранний!.. Тоже мастеровым оказался.

— Не кажи гоп до сроку… — угрюмо пробасил коренастый детина, — побачимо, шо вин зробыть…

Оружейный мастер Яков Васильевич Дедилов, не выпуская трубки изо рта, внимательно следил, как Егор замешивал на листе жести глину и песок, как, выбрав в ящике широкое зубило и молоток, разбирал кожух, аккуратно очищал и складывал кирпичи, как потом, прочистив дымоход, старательно выкладывал кожух, обходясь без нужного инструмента, орудуя вместо мастерка старым топором без топорища.

К обеду работа была окончена. В горне развели огонь, подсыпали древесного угля. Кузнец, обряженный в солдатскую гимнастерку и брезентовый фартук, качнул мехи.

— Тяга что надо!.. Глядите!

— Да ты, я вижу, мастак в этом деле, — усмехнулся Яков Васильевич, — молодцом!.. Но вот печей у нас больше нет… что же мы с тобой делать будем?

— В молотобойцы бы его, — сказал кузнец, — да жидковат, пожалуй, не выдюжит.

— Погоди, ты говоришь, плотничал с дедом? — спросил мастер.

— С отцом, дед у меня печник.

— А по столярному можешь?

— Не знаю… смотря что?

— А ну, пойдем поглядим.

Дедилов достал из-под верстака разбитую ложу от винтовки.

— Видишь? Должно, о чью-нибудь башку раскололи… Ну-ка сообрази, что с ней можно сделать?

Егор осмотрел ложу. Нагнулся, достал вторую половину, сложил.

— Ну, что задумался?

— Можно склеить… еще послужит.

— Ну а если опять по кумполу? Ведь разлетится?

— Так ведь и целая раскололась.

Мастер усмехнулся:

— Ладно, склеивай, латай… а там будет видно…

10

В ремонтной команде народ собрался великовозрастный — редко которому меньше сорока, а то и старше. На Егора все смотрели, как на мальчишку. И место ему дали похуже, в самом углу, и к столу пускали после всех, так что он ел всегда на нарах.

Егор чувствовал себя чужим в этой компании и сильно тосковал. Хотелось повидать Антипа, но третья рота все еще была на передовой.

Вечером, после работы, Егор забивался к себе на нары и писал письма домой. Хотелось излить душу, поговорить с дорогими людьми. Уж отослал он их чуть ли не десяток, а ответа все не было. По ночам Егору снилась родная деревня. С каким наслаждением он ходил с кузовком по знакомым грибным местам, купался в Клязьме…

А утром, заслышав трубу, вскакивал, бежал с котелком на кухню и, наскоро перекусив, шел в мастерскую.

В мастерской, как и в казарме, он чувствовал себя одиноко. Другие мастеровые, за исключением украинца Евтушенко, были туляками и крепко держались друг друга.

Но как-то за спиной Егор услышал глуховатый голос мастера:

— Вот здесь и будешь работать, землячок. Дело тебе известное — рассказывать нечего.

Егор обернулся и увидел рядом с мастером Дедиловым низкорослого, похожего на цыгана солдата с обкуренными черными усами и бородой.

— Вот, Егор, прибыл к нам заправский мастер по ложам. Ты теперь будешь подручным у Никанора Ильича Сазонова.

— Давай, давай, я его вышколю, — сказал бородатый солдат, — у меня человеком будет. Сразу поймет, с какого конца ружье заряжать.

Егор подошел к Сазонову.

— Что же мне делать, Никанор Ильич?

Тот, порывшись в кармане, вынул полтину.

— Слетай на деревню в шинок, добудь бутылку «смирновки».

— Не пойду! — решительно заявил Егор.

— Чаво ты сказал? — бородатый огромной черной пятерней потянулся к Егору. Но тот схватил лежавшее на верстаке дуло винтовки и тяжелым концом замахнулся на обидчика:

— Только тронь — голову разможжу.

Мастер бросился между ними.

— Это что? В трибунал захотели, курицыны дети? Клади ствол, Шпагин! Чего взбесился?

— Пусть не лезет, — выдохнул Егор.

— И ты хорош, Никанор Ильич, нечего сказать. Ну чего измываешься над парнем?

— Я ему еще втемяшу как-нибудь кулаком по затылку. На кого руку подымает, сморчок!

— Я те втемяшу, дурья голова. Ишь, взъершился… Доложит ротному, и пойдешь в окопы как пить дать.

Сазонов отошел, сел на скамейку, тяжело дыша…

— Ну вот что, Шпагин, — миролюбиво тронул его мастер, — попетушился и будя. И чтобы никому ни слова. Понял?

Егор молча кивнул.

— Ну и ладно. А ремеслу сам буду тебя учить. Айда!

Он привел Егора в кузню, где на верстаке лежали искривленные винтовочные стволы.

— Вот, поначалу будешь учиться выправлять стволы. Сумеешь?

— Попытаю, думаю, что смогу.

Егор взял лежавший на верстаке молоток и, положив ствол на наковальню, замахнулся.

— Э, погоди, — остановил мастер, — этак ты их не выправишь, а изуродуешь… А вот поди-ка сюда. Положи вот этот дубовый чурачок на бабку. Так, ладно. Хорошо… Вот у тебя и наковальня. Понял?

Порывшись в ящике, мастер достал деревянный молоток.

— Чуешь? Клади-ка теперь ствол на чурак. Хорошо! А теперь гляди.

И, поворачивая левой рукой ствол, мастер стал осторожно ударять по нему деревянным молотком.

Потом поднял ствол в вытянутых руках, посмотрел на свет.

— Так, ладно… давай-ка вот еще здесь, у мушки, разок-другой ударим…

Когда ствол был выправлен, мастер дал его осмотреть Егору.

— Ну, понимаешь, что к чему, садовая голова?

— Понимаю!

— То-то! А то ишь, чуть не убил Никанора-то. И меня бы мог под острог подвести. Довольно и так немцы бьют нашего брата. Надо друг друга жалеть, а не убивать.

— Да я разве, если бы не он…

— Ну-ну, ладно, будет об этом. Дело-то уразумел ли?

— А чего тут… работать смогу.

— Только дадут ли работать-то?..

— А что?

— Да вон вчера соседнюю дивизию немцы начисто расколошматили. Наши еле прорыв заткнули; Народу полегло

видимо-невидимо. А что завтра будет — бог весть…

11

В последующие дни на фронте опять установилось затишье. И хотя чувствовалось, что эта тишина ненадежна (по ночам с той и с другой стороны слышались передвижения), в тылах, даже самых ближайших, жили спокойно.

Мастеровые из ремонтной команды вставали по трубе, завтракали и шли на работу.

Егор быстро освоился с новым делом. Яков Васильевич был доволен им. Иногда он останавливался около верстака Егора, вступал в разговор.

— Ты, Егор, парень смышленый и работящий, хочешь учиться на оружейника?

— Нет, не хочу.

— Почему же это?

— А домой вернусь, чего буду делать? Мне это мастерство ни к чему.

— Да зачем же тебе домой? Ты к нам в Тулу поедешь.

— Нет, домой тянет…

— Наверно, зазноба есть?.. Так то не беда — заберешь ее в Тулу и будешь жить барином. Наше дело хорошее.

— Стволы-то выправлять любой может. Вот если бы вы научили меня на станке работать, тогда — другое дело.

— А хочешь?

— На станке охота научиться.

— Ладно, ужо приходи как-нибудь вечером, займемся…

Якова Васильевича призвали на службу недавно, как стали налаживать прифронтовые ремонтные оружейные мастерские. А недели за две до этого он проводил на войну старшего сына Степана. И вот уже прошло три месяца, как от того не было вестей. Яков Васильевич волновался, тосковал и подчас не находил себе места. Егор чем-то напоминал ему Степана, и мастеру было приятно поговорить с ним, даже просто побыть вместе. Егор заметил расположение мастера и очень обрадовался. После разлуки с Антипом он чувствовал себя одиноким, затравленным. В ремонтной команде по-прежнему относились к нему с пренебрежением. А теперь, когда мастер стал оказывать ему внимание, Егор воспрянул духом. Раньше он думал лишь о том, как бы скорее прошел день, и ничем не интересовался, кроме своих стволов. Теперь ему захотелось кое-чему научиться, и прежде всего работе на станке. Этой перемене настроения помогло и то, что он, наконец, получил долгожданное письмо от Дуняшки. Она писала, что будет ждать, и просила беречь себя.

По вечерам, когда бородач Сазонов и другие мастеровые резались в карты, Егор приходил в мастерскую, и Яков Васильевич объяснял ему устройство токарного станка, знакомил с инструментами и приемами работы. Постепенно Егор приобрел навыки станочника, и ему стали доверять сложные работы. Однако старые мастера-оружейники продолжали смотреть на него свысока: оружия он не знал и потому не мог стоять с ними на одной ноге. Это злило Егора. «Подождите, и я еще дождусь солнышка», — мысленно отвечал он своим недоброжелателям.

Егор, стоя за своим верстаком, зорко присматривался к другим мастерам, жадно впитывал их приемы работы, прислушивался к разговорам. Он уже хорошо знал устройство русской трехлинейной винтовки. Знал, что ее изобрел капитан Мосин. Туляки не раз похвалялись, что эта замечательная винтовка была создана на Тульском оружейном заводе.

Мечтой Егора стало узнать пулемет. Но к пулеметам его не подпускали. Починкой пулеметов заведовал бородач Сазонов. Иногда ему помогал Евтушенко, другие же мастера занимались только винтовками. Егор несколько раз просил, чтобы его познакомили с пулеметом, предлагал свои услуги и помощь, но Сазонов сердито рычал:

— Уйди, рылом не вышел!

Но однажды утром, когда Егор по обыкновению встал за свой верстак и принялся за привычное дело, его окликнул мастер:

— Шпагин, пойдем со мной в кузницу.

Егор пошел за мастером. Там на грязном верстаке стоял «максим».

— Вот надобно срочно исправить эту машину.

Егор просиял: неужели его мечта осуществится? Даже дух захватило от радости.

— Шесть пулеметов привезли нынче утром. Нужда в них сам знаешь какая… А мастеров-то кот наплакал. Так что эту; штуку придется мне чинить. Ты как, согласен быть подручным?

— Яков Васильевич, да я… да я ночевать тут готов, лишь бы…

— Вижу, вижу! Тогда засучивай рукава и за дело!

Мастер не торопясь начал разбирать пулемет, по порядку раскладывая детали, объясняя Егору их назначение, рассказывая о взаимодействии отдельных частей. Поломка оказалась серьезной, пришлось провозиться несколько дней, зато Егор был необыкновенно доволен. Он узнал, наконец, устройство пулемета и даже научился его разбирать и собирать.

Когда мастер сказал, что перед отправкой в часть пулемет нужно опробовать в стрельбе, Егор напросился вместе с ним на стрельбище. Как же был счастлив Егор, когда ему разрешили

выпустить очередь по мишени!

Пулемет работал хорошо. Егор, нажав на гашетки, ощутил сладкую дрожь в теле. Дробные выстрелы, гулко отдававшиеся в лесу, радовали его и наполняли душу задорной гордостью. Если б теперь деревенские парни посмотрели на него или глянула Дуняшка…

Егор чувствовал себя героем.

Вернувшись в казармы, он продолжал думать о пулемете: «Ведь никаких приводов, никаких передач у него нет, а нажал на гашетки — и пошло грохотать. Да, придумано замысловато… А еще, говорят, есть ручные пулеметы. Этот на колесах, а тот можно в руках носить. И чего только человек не выдумает!..»

Егору захотелось познакомиться и с ручным пулеметом, и с автоматическими пистолетами, и со всей оружейной автоматикой. Было в ней что-то загадочное, манящее…

12

Подошла осень. Ночами серое солдатское одеяло уже не спасало от холода — приходилось натягивать шинель. Но умучившись, умаявшись за день на работе, Егор не замечал холода и спал богатырским сном. И в эту ночь он не чувствовал, как толкали его в бок, не слышал, как люди торопливо одевались, что-то испуганно говоря. Не слышал, как стаскивали с нар свои пожитки, стучали сундуками. Даже когда сорвали с него одеяло, он не проснулся, а лишь повернулся на другой бок.

— Поживей собирайся, лишнее не брать! — раздалась команда унтера. — А этот что лежит?!

Схватив за плечи спящего, унтер потянул его с нар. Егор грохнулся на пол и закричал:

— Что?! Что?! Куда?!

— Одевайся, сонная харя, и марш в мастерскую!

Егор протер глаза, быстро оделся и, все еще ничего не понимая, вышел из барака. Ночь была темная, знобящая. Где-то справа гулко гудела земля, слышались выкрики офицеров, перебранка, скрип колес. Вдалеке громыхнуло.

— По-двое разберись! — послышалась команда. Егор, спотыкаясь, пошел к строю.

Пока шагали к мастерской, по рядам прополз шепот: «Неприятель прорвал фронт, наши отступают». Солдаты понуро молчали, то и дело сбивая шаг.

Около мастерской кричали ездовые, выстраивали подводы одну за другой.

— А ну, давай, ребятушки, поживей, — послышался знакомый голос Якова Васильевича, — выносите ящики, разбирайте верстаки. — Солдаты взялись за дело. Все оборудование, инструмент, оружие и запчасти уложили на телеги. Туда же побросали сундуки, баулы, заплечные солдатские мешки.

— Ну, стало быть, с богом! — сказал мастер. Офицер отдал команду, и обоз, а за ним и ремонтная команда в пешем строю двинулись проселком к большой дороге.

Не прекращался гул канонады; и справа и слева по проселкам слышался топот отступающих войск. Часа через два, когда небо начало светлеть, обоз остановили около речки, где столпилось множество подвод. У моста какой-то офицер на сивой лошади, размахивая плетью, надсадно кричал:

— Осади назад, пропустите штабные фургоны! — Голос его, металлически звонкий и резкий, покрывал все другие голоса и звуки. Ездовые осаживали лошадей, заносили задки телег,

стараясь дать дорогу штабным.

— Ну-с, кажется, тут мы надолго застряли, — сказал ротный, — разрешаю перекур, только не разбредаться.

Солдаты расселись у телег на пожухлой траве. Свернули козьи ножки. Разговорились.

— Эй, ребята, не найдется ли у кого в обозе ведерка, раненых везем, а питья нету.

— А вы чьи будете?

— Мы из грузинского егерского.

— Гля, ребята, да это же наши!

Егор соскочил, подбежал к ротному:

— Можно дать ведерко для наших раненых?

— Возьми да сбегай за водой к реке.

— Слушаюсь, ваше благородие. — Егор схватил за руку пришедшего солдата — Пошли!..

Раненые были поблизости за перелеском. Егор с солдатом шли вдоль обоза, давали напиться каждому, кто пожелает.

— Нет ли тут кого из третьей роты? — спросил Егор.

— Я из третьей, а что? — отозвался молодой солдат.

— Не слыхали ли про Антипа Шухова?

— С нами был… Только, кажется, помер он…

У Егора подкосились ноги.

— Больно шибко стонал, а сейчас утих… Должно, преставился. Погляди, четвертая телега к концу.

Егор побрел к четвертой телеге. Антип лежал на соломе, укрытый шинелью. Голова его с заострившимся носом была закинута, глаза закрыты.

— Антип, Антип Савельевич, — позвал Егор.

— Не тревожьте, только сейчас уснул, — послышался женский голос, и к Егору подошла сестра милосердия в белой косынке с крестом. Раненый открыл глаза и слабым голосом прошептал:

— Никак ты, Егор?

— Я, я, Антип Савельич.

— Вот хорошо, спасибо! А я как раз думал… Охота было тебя повидать.

— Что же с тобой, Антип Савельич?

— Дела мои, брат, совсем труба.

— Может, доктора позвать?

— Нет, не к чему…

— Как же тебя ранило?

— В разведке был… На ерманский дозор напали. Нас восемь человек, а их трое — и они одолели.

— Да как же это?

— Мы с винтовками, а у них ручной пулемет. Как стригонули — и сразу пятерых скосили. Меня-то ребята приволокли, а четверых там оставили…

— Жалко… но ты, Антип Савельич, не плошай, поправляйся.

— Нет уж, я, как видно, отвоевался… У тебя как дела?.

— У меня — хорошо!.. Письмо из дому получил. Все здоровы, тебе кланяются. У вас, пишут, тоже все хорошо.

— Ты вот что, Егор… Ты обо мне не пиши… Нет, не то… Ты пропиши, что видел меня, что все благополучно… и потом пиши это же, передавай поклоны. Слышишь? А то не дай бог…

— Как прикажешь, Антип Савельич.

— Это тебе мой наказ… А ежели что со мной — не тужи. Я свое отжил, отвоевал, будя!.. Ты же, как вернешься — не забудь моих.

— Да что ты, Антип Савельич.

— Попомни, что я говорил, и обещай.

— Обещаю, Антип Савельич, только…

— Раненых про-пу-стить! — донеслось от моста.

— Это нам кричат, — сказал Антип. — Сейчас поедем.

— Я провожу вас.

— Нет, нет, не надо, еще потеряешься, не дай бог.

Первые телеги тронулись, за ними потянулись, поскрипывая, и остальные.

— Вот и поехали, — вздохнул ездовой и тронул лошадь, — ты иди, парень, не мешай.

Егор бросился к телеге:

— Антип Савельич!

— Прощай, Егор, дай бог тебе вернуться домой!

Егор подбежал к телеге, поцеловал небритую щеку друга.

— Желаю тебе поправиться.

— С богом!..

Егор взбежал на бугорок, где росла молодая сосна, и долго провожал взглядом подводу, на которой с закинутой головой лежал вздрагивающий Антип…

13

После долгих мытарств и странствий, потеряв обоз и чуть не попав в плен, часть людей из ремонтной команды вышла в глубокие тылы. Мастеровых, в том числе и Егора, которого поддержал мастер Дедилов, направили в армейскую оружейную мастерскую. Такие мастерские к тому времени были созданы по всем фронтам. Мастерская разместилась в цехах небольшого механического завода и была неплохо оснащена. Она производила ремонт самого разнообразного оружия, пушек и гаубиц.

Якова Васильевича назначили мастером цеха по ремонту винтовок, и он всех, пришедших с ним, забрал в свой цех. Начальником цеха был пожилой, тучный и, как видно, не совсем здоровый подполковник. Он был артиллерист с академическим образованием и хорошо знал оружие, но страдал одышкой, сердечными приступами и потому редко появлялся в цехе. Узнав, что Дедилов работал мастером на Тульском оружейном заводе, начальник обрадовался и всю заботу о ремонте взвалил на него.

Егор на этот раз получил место у верстака рядом с другими мастеровыми. Это не понравилось бородачу Сазонову.

— Глядите, ребята, этого молокососа Яков Васильевич равняет с нами.

— Он у мастера пятки лижет, собака!

— Ну шо вы, хлопци, шумуете, — заступился Евтушенко. — Нехай робыть, може вин тепер богацько знае.

— Ни хрена он не знает, винтовку собрать не умеет.

Егора эти слова хлестали, как плети, но он молчал, делал вид, что не слышит. Конечно, он не мог сравниться с опытными мастерами, но зато знал в винтовке каждый винтик, В станковых пулеметах тоже разбирался неплохо, вот» только ручных пока еще не удалось ему повидать. Поэтому, заведя знакомство с мастеровыми из пулеметного цеха, Егор в свободное время бегал туда, присматривался. Довольно скоро ему удалось познакомиться с пулеметами Мадсена, Льюиса, Шварцлозэ и Шоша.

Любознательность Егора была беспредельна. Как только узнавал он, что в пулеметный цех поступило новое оружие, его нельзя было удержать в винтовочном никакими силами. Обязательно улучит минутку и взглянет хоть издалека. Мастеровые замечали, что Егор часто бегал в пулеметный цех, но зачем — не догадывались. Предполагали, что сыскал земляка. Они по-прежнему не хотели делиться с ним своими познаниями в

оружейном деле. Егору частенько приходилось трудно. Иногда он и вовсе вставал в тупик перед какой-нибудь деталью. И если б не Яков Васильевич, возможно, пришлось бы снова переходить в подручные.

Егор отличался большим терпением. Он учился, всматривался, вслушивался и день ото дня набирался опыта. А дни проходили в тяжелых трудах и тревогах. Домашние писали, а от Антипа не было никаких вестей. «Наверно, погиб Антип, — думал Егор и сокрушенно вздыхал, — а от чего погиб — подумать страшно. Оружия настоящего не было… Эх, Россия, Россия, неужели у тебя нет мастеров, чтобы придумать свои пулеметы? Неужели ты беднее немцев умельцами да изобретателями?!»

Мысль об этом частенько тревожила Егора, бередила его сердце. И однажды, не удержавшись, он спросил об этом мастера.

— Эх, Егор, садовая твоя голова. У нас такие мастера водятся, что немцам и не снилось. Сказывают, не только пулеметы, но даже автоматические винтовки умеют делать. Говорят, в Туле был мастер Двоеглазов, так тот, по рассказам, еще лет за двадцать до японской войны автоматическую винтовку придумал. Ну да только немцы, что были в управителях завода, не позволили ему довести дело до конца.

— А почему же?

— А невыгодно им было, боялись, как бы это оружие да не обернулось против них.

— Интересно, что же это за люди такие, которые оружие изобретают?

— Самые разные… Вот Мосин, что трехлинейку изобрел, тот, говорят, ученый был, Михайловскую академию кончил, а потом, сказывают, дослужился до генерала. А Двоеглазов — рядовым мастером был. Вот и суди сам. Тут, братец мой, талант нужен. А талант… он в каждом может быть. Вот тряхни тебя, а он, может быть, в тебе и сидит. Талант не виден глазу, его ни ты, ни я, ни генерал не заметят. А когда надо — он сам себя покажет.

— А что эта за штука такая — талант?

— Это, братец мой, трудно объяснить. Это вроде как бы способность к чему-то особенная. Ну да об этом в другой раз поговорим, а то мне некогда…

Егор проработал в армейской мастерской около года. Многое узнал, многому научился, а бородач и его приятели все еще смотрели на него, как на мальчишку. Но после одного случая все переменилось.

Как-то Дедилов пришел в мастерскую взволнованный, собрал лучших мастеров и говорит;

— Меня сейчас в штаб армии вызывали. Какой-то генерал из

Ставки приехал, а у него пистолет отказал. Велели починить, дали два часа сроку. Кто возьмется за эту работу?

— А ну-ка покажь, — сказал бородач и протянул мастеру огромную пятерню. Дедилов достал из кармана маленький вороненый пистолет.

— Это не револьверу чета — автоматический!

— Первый раз такую игрушку вижу, — сказал бородач, повертел в руках и подал Дедилову. — Нет уж, уволь, Яков Васильевич. Если б не генеральский, может, и починил бы, а этот… Ну его к лешему… Сделай что-нибудь не так — и загремишь в окопы…

— Дай побачу я, — попросил Евтушенко. Он вынул обойму, посмотрел, как действует курок, спусковой механизм, и подал обратно.

— Ни, це не для мене.

Поглядели и другие мастера.

— Надо бы разобрать, присмотреться, а вдруг потом не соберешь, как надо. Штука замысловатая… Может, пулеметчики починят?

— Дайте мне посмотреть, Яков Васильевич, — попросил Егор.

— Ишь, профессор объявился, — захохотал бородач, — из носу солдат ногу кажет, а он туда же.

— На, на, полюбуйся! — с улыбкой сказал мастер.

Егор взял пистолет и на глазах у всех начал его разбирать.

— Да ты что, оголтелый, в уме ли?! — закричал на него бородач. — Якова Васильевича, щенок, подвести можешь!

Егор молчал и спокойно продолжал разбирать пистолет, кладя детали на верстак одна к другой.

— Яков Васильевич, да отбери же ты у него, черта, Христа ради…

— Ничего, ничего, пусть разбирает, может, и сообразит малый, что к чему.

Мастеровые столпились вокруг, замерли. Егор, чувствуя на себе жгучие взгляды, не поднимал глаз, но ощущал, что на лбу выступают капельки пота. Он проверил взаимодействие частей механизма; все как будто было на месте, все правильно, а спусковой крючок не работал. Егор стал вынимать боек. Пружина выскочила и полетела под верстак. Егор потянулся за ней и рукавом смахнул детали. Они со звоном посыпались на каменный пол и раскатились в разные стороны.

— Ну вот, говорил я, — сказал бородач, — теперь все смешалось, не соберет. Доверили мальчишке такую штуку.

— Идите вы все к черту, — с гневом закричал Егор и, собрав детали в фуражку, выбежал из мастерской…

Прошло около часу. Мастер несколько раз наведывался, спрашивал, не пришел ли Егор.

— Как в воду канул, Яков Васильевич, уж мы где ни искали.

Мастер вздохнул:

— Да, дело может обернуться плохо… У пулеметчиков не спрашивали?..

— Как же, три раза ходили туда, говорят, и не показывался.

— Может, в казарме скрывается?..

— И там нет.

— Да куда же он сгинул?!

— Вот я, — послышался от двери звонкий голос Егора. — В кузнице был и отремонтировал ваш пистолет, как надо, можете поглядеть.

Дедилов взял пистолет, взвел курок, нажал на спусковой крючок. Пистолет глухо щелкнул. Все притихли. Мастер несколько раз проделал то же самое.

— Глядите, ребята, работает, как часы! Сам починил?

— А кто же еще! — с обидой сказал Егор.

— Ну если так, молодцом, хвалю! — Мастер подошел к Егору и, крепко обняв его, поцеловал в щеку.

14

В мастерской, где трудился Шпагин, работало больше двухсот солдат. Почти все они до армии были рабочими и всей душой ненавидели царизм. При первых залпах «Авроры» солдаты-мастеровые, руководимые местным Ревкомом, взялись за оружие и арестовали воинское начальство.

— Вся власть Советам!

— Да здравствуют Советы рабочих и солдатских депутатов!..

Городок ликовал.

Мастерские стали работать на революцию.

Шпагин был взбудоражен, как и другие. Он с восторгом воспринял бурные, революционные события. И хотя он еще ясно не представлял, что именно случилось, душой чувствовал, что революция несет счастье трудовому народу, и радовался великим переменам. Его тянуло домой, в деревню, где тоже ломались старые уклады жизни.

Когда объявили о демобилизации, к нему пришел мастер Дедилов.

— Ну что, Егор, куда едешь?

— Домой, там ждет меня невеста.

— Жениться всегда успеешь, а вот приобрести хорошую профессию — не всякий раз удается.

— Теперь революция, теперь все пойдет по-другому.

— Вот и я об этом… Давай катнем с тобой в Тулу. Возьму тебя к себе в дом, будешь мне сыном.

У Шпагина навернулись на глаза слезы.

— Спасибо, Яков Васильевич, может, я и приеду, только наперед охота дома побывать, со своими свидеться.

— Ладно, езжай домой, а там гляди, прикидывай. Только если надумаешь в Тулу, завсегда приму тебя как сына. По всему вижу — быть тебе оружейником! И фамилия тебе дадена оружейная — Шпагин!.. Это, брат, понимать надо.

— Верно, Яков Васильевич, тянет меня к этому делу. Да и к вам я привык — расставаться тяжело.

— Так что, может, вместе и катнем в Тулу. А?.. Невесту свою потом выпишешь.

— Так ведь отец у меня жив, и мать, и сестренки… Нет, Яков Васильевич, уж сейчас я домой, а потом — видно будет…

— Ну, бог с тобой. Езжай, но помни — я буду ждать, — он подошел к Егору и, по-отечески обняв его, заплакал…

Егор не знал, что еще в прошлом году Яков Васильевич получил извещение о смерти сына, не знал, как тяжело старому

мастеру расставаться со своим учеником. И вот сейчас, увидев слезы в его глазах, Егор почувствовал жалость, в нем что-то шевельнулось.

— Еще раз спасибо за все, Яков Васильевич, благодарю, как отца. Может, опять вскорости будем вместе…

Дуняшка за два года еще больше похорошела и была лучшей невестой на деревне. Она встретила Егора со слезами радости и шла, обнявшись с ним, до самого дома. Не только Егор, но и все домашние поняли — им друг без друга не жить. На той же неделе заслали сватов и вскоре сыграли свадьбу.

Однако счастье молодых оборвалось очень быстро. Началась гражданская война — и Егор снова ушел в армию…

* * *

Шел двадцатый год. Через станцию ползли составы с мешочниками, беженцами, спекулянтами. Вокзал был забит до отказа. Егор, в длинной солдатской шинели, с мешком за плечами, пробирался к военному коменданту. Навстречу, шагая через спящих, шел невысокий человек, в кожанке, с маузером на ремне. Худое, иссеченное морщинами лицо показалось Егору знакомым. Он остановился. Человек в кожанке тоже заметил его и, раскинув руки, бросился навстречу.

— Егор, неужели ты?!

— Антип Савельич!

— Я! Я, ядрена-лапоть. Здорово, Егор!

Они обнялись.

— Да ты что, с того света, Антип Савельич?!

— Пожалуй… Побывал у смерти в пасти, но, как видишь, выкарабкался, жив и невредим. Сейчас начальником хлебного эшелона. Был на продразверстке, воевал с кулаками.

— Ты что же — большевик?

— Как видишь. Воюю с контрой. А ты?..

— Был оружейным мастером в полку. Сейчас демобилизуюсь.

— И куда же думаешь?

— Теперь я мастеровой, еду домой, думаю устроиться в городе, по своей специальности.

— Эх, брат, я слышал, тут недалеко достраивают пулеметный завод. Вот бы тебе куда податься. Ты, как приедешь, прямо и дуй.

— Спасибо, да как доехать-то, Антип Савельич?

— Что нибудь придумаем… Пойдем со мной.

Минут через двадцать Антип втолкнул Егора в переполненный вагон.

— Ну, будь здоров, Егор! Кланяйся нашим. Передай, что скоро приеду на побывку, да не забудь про завод. Слышишь!..

— Слышу! — крикнул Егор.

15

Недельки две отдохнув дома, Егор стал собираться на завод. До города его решили проводить, и отец, Семен Венедиктович, все еще такой же могучий, словно время не коснулось его, пошел запрягать лошадь. Дуняшка, передав свекрови с рук на руки двухлетнюю дочку, вышла во двор укладывать в тарантас необходимые вещи. Стояло бабье лето. Над голыми полями летала паутина и стаями кружились грачи. Рыжая лошадь, отдохнувшая от летних работ, вырвалась на ровную полевую дорогу, побежала рысью. Дорога тянулась полями и перелесками. Деревья, освещенные утренним солнцем, переливались, как яркие ситцы. Желто-лимонные листья клена, красные — осин, оранжево-золотые — берез и лип и зеленые — дуба и ясени создавали причудливые сочетания красок, радовали и ласкали взор.

Егор, обняв Дуняшку, молчал, погруженный в думы. Ему вспоминался оружейный мастер Яков Васильевич Дедилов, их трогательное прощание, доброе и заплаканное лицо старика.

«А, правда, не поехать ли в Тулу, — думал Егор. — Яков Васильевич помог бы устроиться, и зажили бы мы славно». Но тотчас его мысли перенеслись на Дуняшку, на дочку, на отца и родимый дом. «Нет, надо попробовать остаться здесь, устроиться на завод». Ему вдруг вспомнился Антип. Сколько в эти дни было о нем разговору. Как переменился человек! По характеру стал другим — решительный, смелый! Одним словом — большевик! «Может, скоро вернется в свой город, может, доведется работать вместе. Вот хорошо бы было!»

Въехав в город, отец поворотил к вокзалу, где жил его старый приятель печник Максимыч. Теперь он работал на заводе и знал все новости.

Максимыч в этот день был дома и принял гостей радушно. От него Егор узнал, что в революцию с завода сбежали хозяева — датские концессионеры, так и не успев его достроить. Теперь завод восстанавливали сами рабочие. При нем было создано первое в России конструкторское бюро и опытная мастерская. В бюро и мастерской, по слухам, работали знатные оружейные мастера, эвакуированные из Сестрорецка.

«Эх, если бы мне поступить в эту мастерскую, — подумал Егор. — Наверное, я многому бы научился». Желание поступить в опытную мастерскую так захватило его, что он забыл про Тулу и про свои обещания, данные Якову Васильевичу.

Перекусив с дороги, отец с Дуняшкой отправились на базар, а

Егор пошел наниматься на завод. Придя в бюро найма, он сразу же заявил о своем желании поступить в опытную мастерскую.

— Хорошо, — ответил ему человек в гимнастерке, сидевший за столом начальника. — Там слесаря нужны. Сейчас же направлю вас на испытание.

Это было для Егора большой неожиданностью. Но назвался груздем, полезай в кузов. Он взял направление и пошел к мастеру.

Мастер, угрюмый человек, не поинтересовался даже, что он способен делать, а, передав чертеж и ровно отпиленный кусочек железа, поручил ему сделать маленькую, но довольно замысловатую деталь из пулемета Мадсена. Деталь эта называлась «собачкой».

«Так вот где собака-то зарыта, — подумал Егор, стоя за тисками, — оказывается, не так-то просто попасть в эту опытную мастерскую».

Но он был молод, упрям, и трудности его не пугали, а желание поступить в мастерскую прибавляло сил и энергии.

Егор тщательно разобрался в чертеже, нанес циркулем, на металл все размеры, разложил нужные инструменты и, зажав кусочек железа в тиски, начал осторожно орудовать напильником.

Часа через два он показал мастеру совершенно готовую деталь. Тот обмерил ее, осмотрел в лупу и написал бумажку к Федорову — техническому директору завода. Из этой бумажки Егор понял, что проба им сдана и что мастер определил ему девятый разряд (соответствующий примерно современному шестому). Это укрепило надежду Егора, и он довольно бодро вошел в кабинет технического директора.

За столом, поглощенный какими-то делами, сидел человек средних лет. Русые пышные усы и густые пушистые брови придавали строгость его лицу. Это и был Федоров. Шпагин шагнул к столу и, протянув бумажку, сказал:

— Вот, направили к вам.

— А, прошу садиться, — приветливо пригласил Федоров и, прочтя бумажку, стал расспрашивать Шпагина: что он умеет делать, где работал раньше? Узнав, что Егор из армии, спросил, в каком полку он служил, назвал фамилии некоторых знакомых командиров. Они разговорились.

Федорову было приятно встретить человека, который работал в походной прифронтовой оружейной мастерской. Из разговора Шпагин понял, что именно он, Федоров, был первым организатором таких мастерских на фронте. После фронтовых воспоминаний Федоров спросил Шпагина, где бы он хотел работать, и, узнав о его желании работать в опытной мастерской,

наложил резолюцию на той же бумажке:

— Вот, пожалуйста… А теперь идите к Василию Алексеевичу.

Кто такой был Василий Алексеевич, Егор не знал, но ему объяснили, что так зовут Дегтярева, заведующего мастерской.

Егор поспешил в мастерскую. В большом помещении, уставленном верстаками, он увидел худощавого невысокого человека в черной толстовке и темно-зеленой фетровой шляпе, который о чем-то разговаривал с рабочими, стоящими у сверлильного станка. «Очевидно, это и есть Дегтярев», — подумал Шпагин. Он подошел, поздоровался и подал мастеру бумажку.

Дегтярев не спеша прочел написанное, окинул Шпагина быстрым, но внимательным взглядом и совсем попросту сказал:

— Пойдем, поставлю тебя на работу.

Они вошли в соседнее помещение, такую же светлую и просторную комнату, как и первая, где, помимо верстаков, стояли станки. Отделение называлось станочным.

Дегтярев подвел Егора к верстаку с огромными тисками:

— Вот тут и будешь работать.

Затем, поманив к себе стоявшего за станком худого высокого человека, видимо старшего слесаря, сказал ему:

— Никитич, помоги новичку получить инструмент и устроиться тут. Это наш новый слесарь Егор Семенович Шпагин. — И приветливо кивнув Егору — дескать, привыкай, — ушел обратно к слесарям, где стоял его рабочий стол.

Егор огляделся. Слесарь приветливо улыбнулся ему, как бы говоря: «Не робей, парень!» Егор понял: народ здесь хороший.

16

Получив инструмент, Егор стал приводить его в порядок, а сам украдкой присматривался к другим рабочим, которых насчитал шесть человек. Каждый из них был занят своим делом. Все работали молча, сосредоточенно. Егор взял молоток и стал насаживать его на ручку. Ручка плохо входила в отверстие. Он стукнул по ней раза три клещами и расколол. Это заметил неожиданно вошедший Дегтярев.

— Дай-ка сюда, — и взял у Егора молоток. Потом, внимательно осмотрев и выбрав другую ручку, стал осторожно вставлять ее в отверстие, все время поворачивая. При вращении дерево стиралось об острые грани железа и плавно входило в молоток.

— Вот так, полегоньку и насаживай, — сказал Дегтярев и, больше не проронив ни слова, ушел к себе.

Егор почувствовал себя неловко и стал действовать более осторожно. Немного погодя Дегтярев снова подошел к нему, осмотрев инструменты и, по-видимому найдя их в порядке, сказал:

— Вот тебе, Егор Семенович, первое задание. Будешь собирать магазин автомата Федорова.

Сосед справа, худощавый токарь, увидев, что новичку на первых порах поручена сборка магазина, неодобрительно покачал головой. Егор и сам понял, что задание это слишком серьезное для начала. «Очевидно, Дегтярев в первый же день решил испытать, на что я годен, — подумал он. — Ну что ж, буду стараться!»

Попросив у соседа уже собранный магазин, он стал не спеша разбирать его, внимательно осматривая и запоминая каждую деталь. Собрать новый магазин, казалось, было несложно, но именно тут-то и подстерегала Егора опасность провала. Детали, сделанные разными мастерами, не подходили одна к другой. В них были зазоры и излишние допуски. Трудность сборки и заключалась в пригонке и отладке деталей.

Дегтярев приходил, молча наблюдал, покуривая трубочку, и, ничего не говоря, уходил к другим рабочим.

К вечеру магазин был собран и отрегулирован. Егор положил его на стол заведующего мастерской. Дегтярев очень внимательно осмотрел магазин, но ничего не сказал Шпагину, так как загудел гудок и все собирались домой.

— Что же мне теперь делать? — спросил Егор.

— Теперь иди отдыхай, Егор Семенович, а завтра поговорим.

Утром, когда в мастерскую вошел Дегтярев, Егор уже был у своего верстака.

— Уже здесь, Егор Семенович, — Дегтярев приветливо пожал ему руку. — Ну-с, с сегодняшнего дня начинай сборку целой партии магазинов. Ежели что случится, обращайся ко мне, я завсегда тут.

Передав Шпагину необходимые части и детали, Дегтярев ушел. Шпагин долго наблюдал за ним, ждал, не воротится ли он, не скажет ли о вчерашнем магазине. Но Дегтярев не возвратился. «Если бы я плохо выполнил задание, — размышлял Шпагин, — то он не доверил бы мне собирать целую партию. А может быть, Дегтярев подумал, что в сборке первого магазина мне кто-нибудь помог?..» Так или иначе, Егор приступил к работе не без тревоги.

Дегтярев приходил на день по нескольку раз. Присматривался, спрашивал, как дела. Если Егор обращался с вопросами, он давал очень краткие и ясные ответы. Если Егор ничего не спрашивал, он, покуривая трубочку, молчаливо наблюдал за работой. Изредка советовал:

— Ты бы, Егор Семенович, попробовал сделать вот так. Это сподручнее. — И, становясь к верстаку, показывал.

Шпагин внимательно прислушивался к его советам, работал неторопливо. Даже предложил уменьшить количество заклепок, но расположил их так, что крепость от этого не уменьшилась. Дегтярев похвалил и опять продолжал молчаливо наблюдать.

Дней через восемь или десять порученная Шпагину работа была выполнена. Дегтярев пригласил в мастерскую автора автомата Владимира Григорьевича Федорова, Федоров взял на выбор несколько магазинов, осмотрел их и похвалил Шпагина за находчивость в изменении заклепок.

— А теперь надо пойти пострелять, — сказал он. — Посмотрим, как будут вести себя магазины в работе. Пойдемте и вы с нами, — пригласил он Шпагина.

«Так вот, оказывается, когда мне будет настоящая проверка, — подумал Егор. — А вдруг магазины не будут работать? Тогда конец всему — выгонят. Ну, будь что будет», — решил он и отправился вслед за Федоровым и Дегтяревым.

Однако опасения Шпагина были напрасны. Автоматы работали хорошо, магазины исправно подавали патроны. Федоров остался доволен. Дегтярев по-прежнему молчал.

Уже в мастерской он подозвал к себе Шпагина и, приветливо улыбаясь, сказал:

— Ну теперь, Егор Семенович, можешь успокоиться. Считай, что пробу ты выдержал с честью.

Только теперь Егор понял, что, помимо пробы в цеху, каждому вновь поступающему в мастерскую Дегтярев устраивал свои испытания, но до поры до времени об этом не говорил. И оттого, что эти испытания были выдержаны, Егор ощутил большую радость. Теперь для него начиналась новая жизнь.

17

За две недели, проведенные в опытной мастерской, Егор узнал много интересного и, самое главное, что технический директор завода Федоров и есть тот самый Федоров, который изобрел автомат. А скромный заведующий мастерской Дегтярев, оказалось, был его помощником на протяжении многих лет. Он изготовил в примитивных условиях маленькой мастерской первые образцы автомата и автоматической винтовки Федорова. От рабочих Егор узнал, что автомат Федорова, который изготовляется на заводе, явился не только первым русским автоматом, но и первым автоматом в мире.

Для Егора, который в то время уже успел горячо полюбить оружие, эти новости были очень важны. Он гордился тем, что ему довелось работать под руководством таких замечательных специалистов. У юноши даже мелькнула мысль, что и он со временем, быть может, сделается изобретателем и сумеет создать какое-нибудь новое оружие. Эта мысль так понравилась ему и так воодушевила, что он тут же написал письмо Якову Васильевичу Дедилову. Рассказал о том, как сложилась его судьба, и просил извинить, что не может приехать в Тулу.

Дегтярев стал специализировать Шпагина на сборке магазинов, так как мастерская и завод (где уже работали основные цехи) изготовляли большую партию автоматов Федорова для войск Красной Армии, сражавшихся на фронтах гражданской войны. Работа была напряженная, и Егору никак не удавалось вырваться домой. А домой тянуло сильно: хотелось повидаться с семьей, отвезти кое-какие продукты, так как жилось там голодно.

Седьмого сентября, как раз в канун престольного праздника, Егор подошел к табельщику и спросил, как ему отпроситься дня на два в деревню.

— Проще простого, — ответил тот, — поезжай, я все устрою.

Шпагин уехал и только на четвертые сутки явился в мастерскую.

— Ты где это гулял? — обступили его рабочие.

— В деревне был.

— Вот придет Василий Алексеевич, он пропишет тебе деревню.

А Василий Алексеевич уже тут как тут. Подходит, здоровается, спрашивает: почему не работал эти дни?

— Ездил к родным, — отвечает Шпагин, — табельщик отпустил.

Рабочие дружно захохотали. Дегтярев нахмурился, помолчал, а потом и говорит:

— Ты, Егор Семенович, в следующий раз у меня спрашивайся. Я тебя без содержания отпущу или отработаешь потом, а так нельзя.

— Так я и сейчас готов отработать, Василий Алексеевич, — не знал, что такой порядок.

— Ну коли так, ладно. Сегодня вечером оставайся.

Шпагин облегченно вздохнул и пошел к своему верстаку.

Вечером Шпагин остался в мастерской. Видит — и Василий Алексеевич стоит у верстака, что-то делает. Шпагин занялся своими магазинами. Каждый делает свое дело. Молчат, а уж время к полуночи. Вдруг Василий Алексеевич подходит к Шпагину и говорит:

— Заработались мы, Егор Семенович, чай, устал?.. Пойдем-ка домой…

На другой день опять то же. И так проработали до воскресенья, В субботу ночью, прощаясь со Шпагиным, Дегтярев обнял его за плечи:

— Ты, Егор Семенович, свое отработал, больше после гудка не оставайся.

— Спасибо, Василий Алексеевич. Только уж вы на меня не обижайтесь, не знал я тогда…

Но и в понедельник, видя, что Дегтярев продолжает работать после смены, Шпагин опять остался. В городе он жил один, делать было нечего, а к работе тянуло.

Дегтярев удивился, увидев его за тисками.

— Ты что же это, Егор Семенович, опять остался? Работу любишь? Ну что ж, если так — это хорошо! Будем работать вместе.

С этого вечера они стали работать по вечерам вдвоем. Дегтярев стал более разговорчив. Бывало, подойдет, посмотрит на работу Шпагина и что-нибудь покажет, посоветует. Один раз подходит и говорит:

— Вот эту плоскость, Егор Семенович, лучше отфрезеровать — и быстрее и аккуратнее получится.

— Так я, Василий Алексеевич, на фрезерном никогда не работал. Не знаю, как и приступиться к нему.

— Ну так что ж, научишься, идем-ка со мной.

Дегтярев подвел его к станку. Вначале очень понятно объяснил все главные части станка, а потом показал, как надо работать. Егор легко освоил станок и стал им пользоваться.

Сообразительность и трудолюбие Шпагина, очевидно, понравились Дегтяреву. Как-то в субботу, уходя домой, он

спросил:

— Ты что завтра делаешь, Егор Семенович?

— Не знаю, должно, дома буду.

— Тогда приходи ко мне на чаек, потолкуем…

Найти Дегтярева было нетрудно — он жил в то время рядом с заводом, в деревянном казенном домике. Шпагин распахнул калитку и увидел Дегтярева около сарая, с засученными рукавами, мастерившего что-то по хозяйству.

— А, Егор Семенович, — приветливо улыбнулся Дегтярев, — очень хорошо, что пришел. Идем-ка я тебе какую штуку покажу.

Он подвел Шпагина к сараю и распахнул дверь:

— Гляди!

Егор оторопел от неожиданности. В сарае оказалась настоящая мастерская. Небольшой верстак с тисками, ножной токарный станок, а в углу — приспособления для сверления. На полках были разложены всевозможные инструменты.

— Это моя домашняя мастерская, — сказал Дегтярев, хитровато улыбаясь, довольный, что огорошил гостя.

Шпагин подошел к станку, попробовал, потом стал перебирать и рассматривать инструменты.

— Вот эти два молотка еще дедовские, из Тулы, — объяснял Дегтярев. — Это ключ английский, из Сестрорецка привез. Плоскогубцы, кажется, немецкие, в Петрограде купил…

Из инструментов Шпагину особенно понравился русский златоустовский топор с березовым топорищем, легкий, удобный, острый и звонкий.

— Можно, Василий Алексеевич, попробовать топорик?

— Отчего же нельзя, пожалуйста.

Шпагин взял дощечку и начал с наслаждением тесать. Дегтярев смотрел, смотрел, да и говорит:

— А ты, Егор Семенович, никак и по столярному можешь?

— Могу, плотничал с отцом. Может, помочь что по хозяйству?

— Нет, спасибо, сам управляюсь.

Шпагин взглянул на сарай и увидел, что одна стена у него совсем покосилась. «Вот, — подумал, — и работа». Скинул тужурку — и давай хозяйничать.

Дегтярев вначале думал его отговорить, но видя, что тот вошел в азарт, и сам стал помогать. Дело у них спорилось, и, хоть работы было порядочно, с сараем управились до темноты.

— Ну а теперь пойдем чаевничать, — пригласил Дегтярев и усадил Егора за стол, на котором весело распевал узорный самовар из красной меди.

— Это откуда у вас такой самоварчик?

— Старинный, тульский. Еще мой прадед мастерил. Этому

самовару, никак, лет полтораста. А я его ни на какой новый не променяю. Вскипает за пять минут. Да и чай из него многим вкуснее — вот попробуй-ка, выпей стаканчик, Семеныч!

У Дегтярева была старая тульская привычка: людей, к которым относился по-приятельски, называть по отчеству, ласкательно: «Прокопыч», «Мироныч», «Никитич». С этого дня он так же стал называть и Шпагина — «Семеныч».

18

Шпагин частенько наведывался в воскресные дни к Дегтяреву и почти всегда заставал его в домашней мастерской. Но на вопрос, что он делает, Дегтярев никогда не давал прямого ответа. Отшучивался, переводил разговор на другое.

Оставаясь в мастерской после работы, Дегтярев порой задерживался до полуночи. Иногда он подолгу стоял у тисков, что-то вытачивал или обрабатывал какие-то детали на станках. Егор начал присматриваться к нему более внимательно и как-то даже полюбопытствовал. Дегтярев опять отделался шуткой:

— Так, пустяки, кое-что переделываю за ребят…

Однако Егор заметил, что, уходя домой, Дегтярев уносил детали в другую комнату и прятал их в свой стол. «Дегтярев от меня что-то скрывает, — думал Егор, — у него есть какая-то тайна… Может быть, что-нибудь изобретает?»

А между тем в мастерской начались интересные работы. Надо было оснастить армию разными типами оружия под единый патрон (унифицировать оружие). Это упрощало обучение бойцов и исключало всякую путаницу с разнокалиберными патронами. Конструкторское бюро и опытная мастерская взялись за унификацию автомата Федорова. По проектам, составленным самим конструктором, решено было на базе автомата Федорова создать ручной пулемет с воздушным охлаждением и ручной пулемет с водяным охлаждением.

Работы по приспособлению к автомату Федорова специальных сошек, а также кожухов для воздушного и водяного охлаждения велись под руководством Дегтярева. Шпагин очень внимательно следил за ними и даже выполнял отдельные поручения. Потом Федоров поручил Дегтяреву разработать приспособления для установки автоматов в самолет, чтобы заменить устаревшие пулеметы Льюиса. Это была интересная и увлекательная работа, но выполнить ее нужно было срочно. Поэтому Дегтярев, посоветовавшись с Федоровым, пригласил себе в помощники слесарей Шпагина и Симонова.

Шпагину была поручена работа по изготовлению нового дискового магазина для патронов. До сих пор Егор занимался сборкой секторных магазинов (рожков) и хорошо знал это дело. Дисковые магазины были ему тоже известны, но новый магазин нужно было сделать другой конструкции. Задача была трудная. Так Шпагину впервые представилась возможность участвовать в создании нового типа оружия.

Как он и предполагал, изготовить новый дисковый магазин

оказалось нелегко. Дегтярев, поручив ему эту работу, все время помогал советами. Федоров тоже почти все дни проводил в мастерской и неустанно следил за ходом работ.

Шпагин трудился с упоением. Создание нового магазина было для него делом чести.

Обычно на заводах бывает так: сделает рабочий какую-то деталь, приемщик ее измерит и ставит клеймо — «принято». В конструировании — совсем другое дело. О том, хорошо или плохо сделана отдельная деталь или часть машины, можно судить лишь тогда, когда вся машина будет опробована в стрельбе и покажет хорошие результаты. Так случилось и на этот раз. Дисковый магазин, в который Шпагин вложил все свое умение, кажется, был сделан безупречно. Но ни Дегтярев, ни Федоров не могли считать его принятым. Шпагин волновался и ждал. Ждал, когда будут готовы другие приспособления, чтобы испытать пулемет в стрельбе. И вот, наконец, долгожданный день наступил. Авиационный автомат — пулемет Федорова со специальным дисковым магазином — был установлен на стенде и опробован в стрельбе. Он показал очень хорошие результаты.

Эта победа особенно обрадовала Шпагина, так как она укрепила в нем веру в свои силы и пробудила желание к самостоятельной творческой работе. Теперь для него вопрос о профессии был решен окончательно — Шпагин твердо решил стать оружейником.

19

В опытной мастерской находились образцы автоматического оружия различных систем. До тонкости изучив автомат Федорова, Шпагин стал знакомиться с заграничными системами автоматических винтовок и ручных пулеметов. Некоторые системы он знал и раньше, но познания его ограничивались лишь знакомством с основными принципами действия оружия, умением разобрать и собрать его и в случае необходимости — починить. Теперь он старался поглубже разобраться в достоинствах той или иной конструкции и найти в ней слабые стороны.

Как-то, задержавшись в мастерской после работы, он подошел к Дегтяреву и попросил у него разрешения посмотреть автоматическую винтовку Манлихера. Дегтярев понимающе улыбнулся:

— Погляди, погляди — это полезно…

Шпагин, разбирая винтовку, мысленно сравнивал ее с автоматом Федорова, и ему стало ясно, что русский конструктор добился больших успехов. Система Федорова благодаря меньшему количеству деталей была надежней и доступней простому солдату. Винтовка Манлихера оказалась тяжелей, сложней и капризней.

Частенько оставаясь по вечерам в мастерской, Шпагин стал знакомиться и с другими образцами автоматического оружия. Любознательность невольно перешла в серьезный интерес, в жажду знаний. Критически оценивая отдельные узлы систем, он замечал, что некоторые детали в том или другом образце можно было бы сделать лучше: проще и надежнее. Появилось страстное желание что-то придумать, смастерить самостоятельно. Потребность творческой работы не давала ему покоя. И вот однажды представился подходящий случай.

Мастерской было поручено сделать четыре образца шаровой установки для автомата Федорова по модели, которую привезли из Москвы. В этой установке, сконструированной Ивановым, можно было закреплять автомат и быстро его поворачивать, что было крайне важно для стрельбы по воздушным целям.

Однако она была очень громоздкой и сложной и не получила одобрения в опытной мастерской.

Когда детали первого комплекта были сделаны, сразу же началась сборка. Еще до сборки, изготавливая детали отдельных узлов, Шпагин понял, что конструкцию можно значительно улучшить, сократив количество деталей. Эту мысль он высказал

Василию Алексеевичу, но говорил очень сбивчиво, волновался, путал, и Дегтярев не особенно понимал его.

— Ты, Семеныч, лучше покажи мне на образце или нарисуй схему. Так будет понятней.

Шпагин взял кусок мела и тут же на верстаке стал рисовать что-то вроде чертежа. В это время подошел Федоров. Шпагин смутился и стал ладонью стирать свой чертеж.

— Продолжайте, продолжайте, — сказал Федоров, — мне тоже интересно посмотреть, что вы предлагаете.

Шпагин сбивчиво начал объяснять, но Владимир Григорьевич, очевидно, сразу уловил его мысль и велел показать на готовом образце, как и что он хочет изменить. Шпагин мелом, но уже на готовой установке начертил схемы новых деталей.

— Дельно, очень дельно, — сказал Федоров. — Установка получится легче и проще.

— Да, пожалуй, — согласился Дегтярев. — Давай-ка принимайся за дело, Семеныч. Пойдем, я тебе выпишу все необходимые материалы. Только ты не волнуйся, не торопись. Семь раз примерь — один отрежь. Раз Владимир Григорьевич сказал выйдет — волноваться тебе не следует…

Но не волноваться Шпагин не мог: ведь это была его первая самостоятельная работа по конструированию. Он работал горячо, с задором. Изготовляя новые детали и примеряя их на готовом образце, он устранял одну за другой старые части и кончил тем, что сорок две детали удалил совсем, как ненужные. Установка стала компактней, меньше по габаритам, дешевле в изготовлении и надежнее в работе. Это единодушно отметили и Федоров и Дегтярев. Они предложили Шпагину делать весь образец заново.

А Шпагину как раз этого и хотелось. Делая новый образец, он снял и заменил еще более полутора десятков деталей.

Федоров собрал всех мастеров.

— Вот полюбуйтесь, товарищи! Этот замечательный образец сделал наш слесарь Георгий Семенович Шпагин. Я от души поздравляю и благодарю его. Надеюсь, что нашему слесарю-конструктору будет присвоено авторское свидетельство…

Через несколько дней, увозя в Москву образец новой установки, Федоров пригласил с собой и Шпагина. В Главном артиллерийском управлении конструкцию подвергли всесторонним испытаниям и признали ее лучшей из существующих. Было объявлено, что теперь она будет называться «шаровой установкой системы Шпагина».

А через некоторое время стало известно, что шаровая установка Шпагина принята на вооружение Красной Армии.

20

Шпагин, получив премию за свое первое изобретение, снял небольшую квартирку и привез из деревни семью.

Ему только что исполнилось двадцать пять лет, а он уже снискал себе уважение и авторитет на заводе. Федоров, отметив в специальном приказе успехи Шпагина, назвал его слесарем-конструктором. И как-то само собой все стали называть его не Егором, а Георгием Семеновичем. Даже отец, который с детства звал его Егоркой, теперь, приезжая на побывку, важно именовал: Егорий!

Однако ранний успех не повлиял на Шпагина плохо, как это иногда бывает. Он остался таким же скромным, простым, приветливым парнем. Мечта стать изобретателем все сильнее и сильнее овладевала им, и, когда Федоров поручил ему сделать для шаровой установки гнездное устройство (крепление для двух спаренных автоматов), Шпагин горячо взялся за эту работу.

Искать, мастерить, создавать что-то новое сделалось для него постоянной потребностью. Он весь отдавался работе, забывая об отдыхе и сне, мог сутками не выходить из мастерской. При неудачах не унывал: работал упорно, со злостью. Эта черта в его характере нравилась Дегтяреву. «Шпагин не остановится на полпути», — думал он и поощрял творческие способности молодого изобретателя.

— Трудное дело легко не дается, Георгий Семенович. Нынче не вышло — завтра выйдет. Главное — не теряй надежды, старайся — и своего добьешься.

Шпагин старался. И хотя гнездное устройство давалось с трудом — выходило то громоздким, то слишком тяжелым, — он не успокоился до тех пор, пока не нашел простую и надежную конструкцию.

Федоров, осматривая новую работу Шпагина, сравнил ее с первоначальными приспособлениями:

— Смотрите, Георгий Семенович, ведь ничего похожего на первый макет…

— Старался, чтобы как можно лучше…

— Это замечательное качество. Никогда не удовлетворяйтесь легкой победой. Настоящее изобретение рождается в упорном труде, а упорство в вас есть и способности тоже. Вы можете стать хорошим конструктором.

После этого разговора, обрадованный новым успехом, Шпагин шел домой в приподнятом настроении. И вдруг кто-то закричал ему через улицу:

— Егорша, Егорша! Да остановись же, черт!

С крыльца магазина сбежал небольшой человек, в кожанке, со связкой баранок.

— Антип? Откуда ты? Здорово, дружище!

Они обнялись.

— Вот еду на побывку домой… А ты что — в городе теперь?

— Да, работаю на заводе, в опытной мастерской.

— Значит, не погнушался моим советом?

— Нет. Спасибо, Антип Савельич…

Шпагин завел дорогого гостя домой, угостил, рассказал о своих успехах.

— Рад, Егор, за тебя, молодчина! А помнишь, как тебя мордовали в рекрутах?

— Припоминаю.

— А я ведь, чай, слышал, после нашей встречи попал на фронт, громил беляков.

— Как же, рассказывали…

— А после демобилизации взяли работать в ЧК — воюю с контрой.

— А мы вот для армии новое оружие создаем.

— Хорошее дело! Я и раньше верил в тебя, Егор. Парень ты башковитый и упрямый. Вали, действуй! Может, изобретателем будешь, новое оружие придумаешь. Чай, помнишь империалистическую? Немец нас из пулеметов, а мы в него из винтовок одиночными выстрелами. Я из-за этого чуть на тот свет не ушел. Эх, братец, как необходимо сейчас хорошее оружие для Красной Армии! Неровен час — опять на нас Антанта навалится… Так что ты. Егор, шевели мозгами, даром времени не теряй.

21

После создания Шпагиным танковой шаровой установки и гнездного устройства для спаренных автоматов с ним еще больше подружился Дегтярев. При случае он охотно рассказывал ему о различных системах оружия, о знаменитых тульских мастерах, приглашал, как и раньше, к себе в гости.

А когда Дегтяреву случалось выезжать в воинские части, где проходили проверку изготовленные в опытной мастерской различные унифицированные системы автомата, он брал с собой и Шпагина.

Как-то в одном авиационном соединении под Москвой, куда они ездили, чтобы установить на самолете спаренные автоматы Федорова, им показали английский пулемет «льюис», состоявший тогда на вооружении наших самолетов. Пулемет этот работал плохо: с заеданиями и перебоями, часто ломался-. Летчики жаловались Дегтяреву, говорили, что это оружие очень ненадежно, и просили побыстрее создать новый пулемет.

Разговор с летчиками расстроил Дегтярева. Он и так был не особенно разговорчив, а тут нахмурился, ушел в себя, дорогой молчал. Шпагин, пытаясь его развеселить, пригласил в кино.

— Нет, Семеныч, как-то на душе нехорошо, пойдем-ка лучше куда-нибудь в заведение — попьем чайку.

Они сошли с трамвая на Триумфальной площади. Там, где сейчас высится величественное здание концертного зала имени Чайковского, был маленький, дешевенький ресторанчик. Они зашли и заказали чаю.

Василий Алексеевич, выпив чайку, смягчился, вступил в разговор. Вспоминал Ораниенбаум, Сестрорецк, рассказывал о разных системах автоматического оружия, об иностранных изобретателях, которых случалось ему видеть.

— Нет, Георгий Семенович, вся эта иностранщина — не то! И Мадсен, и Шварцлозэ, и Льюис, и Кольт — все это не то. Надо, Семеныч, сделать что-то новое, свое… Ведь посмотри на авиационный «льюис» — летчики плачут с ним. Устарел! Надо конструировать иначе, совсем иначе.

— Да как же иначе, Василий Алексеевич?

— Вот в этом-то и штука. Тут-то и следует мозгами раскинуть. А то, что эти старые «льюисы» никуда не годятся — каждому ясно! Мне даже стыдно перед летчиками. Ведь мы виноваты, что у нас нет хорошего оружия.

В дороге Василий Алексеевич опять помрачнел. Молчал, думал. А вернувшись домой, он все чаще стал засиживаться по

вечерам: что-то мастерил. Шпагин не раз оставался после работы, но при нем Василий Алексеевич стеснялся делать свою работу. Для Шпагина стало ясно: Дегтярев что-то изобретает. Но что именно? Как об этом спросить?!

Шпагин знал по рассказам сестрорецких мастеров, что еще в шестнадцатом году Дегтярев сконструировал автоматический карабин, но ему не повезло. Карабин оказался очень несовершенным: давал большое рассеивание пуль. Пришлось его отложить. Может быть, на этот раз, опасаясь неудачи, Дегтярев решил держать свое изобретение в тайне?

22

Секрет Дегтярева раскрылся неожиданно. Как-то после поездки с Федоровым в Москву он пришел в мастерскую необыкновенно радостный и возбужденный. Его обступили рабочие.

— Ну что, Василий Алексеевич, Какие новости?

— Хорошие! Были у самого Михаила Васильевича Фрунзе.

Рабочие притихли, приготовились слушать, хотя и знали, что Дегтярев не мастер и не охотник говорить. Но Дегтяреву на этот раз хотелось поделиться с друзьями, рассказать о встрече с товарищем Фрунзе.

— Ну что, Василий Алексеевич, как же вас принял нарком?

— Хорошо, ласково… Велел передать привет всем рабочим и сказал, что ждет от нас хорошие образцы…

Большего рабочим узнать не удалось, но по настроению Дегтярева они поняли: получено какое-то важное задание. Все заметили, что теперь не только по вечерам, но и днем Дегтярев часами простаивал у верстака, что-то отлаживая, подгоняя; иногда фрезеровал или оттачивал на станках какие-то детали. Однажды, после воскресенья, которое Дегтярев провел в мастерской, рабочие узнали, наконец, то, о чем смутно догадывались. Спустившийся из конструкторского бюро Федоров собрал всех и объявил:

— Товарищи, Василий Алексеевич сделал макет нового ручного пулемета совершенно оригинальной конструкции.

Тут же из стола был извлечен макет дегтяревского пулемета. Рабочие сгрудились вокруг, Шпагин стоял у самого верстака, но ничего не мог понять.

Макет этот был сделан вчерне, многие части еще не отделаны, многие детали не отработаны, И хотя все рабочие были опытными оружейниками, едва ли кто из них мог по беглому осмотру макета оценить достоинства этого изобретения. Федоров, заметив их любопытство, продвинулся к верстаку.

— Прошу обратить внимание на затворную раму. Видите, она задумана удивительно просто и надежно, а это — основа пулемета. Я уверен, что перед нами замечательное изобретение, и, хотя у нас нет никаких ассигнований на эту машину, мы должны ее сделать во что бы то ни стало. Мы должны дать армии наш, русский, пулемет, который превзошел бы все иностранные системы.

Слова Федорова взволновали рабочих. Каждый из них был готов работать во внеурочное время, лишь бы помочь Василию

Алексеевичу завершить свое изобретение.

Шпагин, Симонов, Горюнов и другие слесаря несколько дней присматривались к макету, обменивались мнениями. У них не было твердой уверенности, что из него можно сделать хороший пулемет, но они верили Федорову. Федоров не мог обмануться. Он поручил чертежникам и расчетникам отложить все работы и заняться спешной разработкой схем, чертежей и расчетов по пулемету Дегтярева.

По мере того как появлялись рабочие чертежи, Шпагин и другие слесаря получали задания, и постепенно весь коллектив мастерской включился в изготовление первого образца. Глубокой осенью новый пулемет опробовали на заводском стрельбище, и Дегтярев сам повез его в Москву на комиссионное испытание.

Рабочие провожали его весело, желая успехов. Ведь каждый из них вложил в этот пулемет немало труда, и каждому хотелось, чтобы их творение было принято к производству. Но Дегтярев вернулся из Москвы грустный, задумчивый. Пулемет был снят с испытания из-за поломки бойка.

Василия Алексеевича утешали всем коллективом. Особенно горячо убеждал его Федоров, доказывая, что изобретение удачно, что поломка бойка — случайность, что из-за такого пустяка не следует падать духом.

Наконец, Дегтярев успокоился. Решено было сделать еще два образца, в которых устранить все замеченные на испытаниях недостатки. Один из этих образцов Дегтярев решил делать сам до мельчайших деталей, как делал он первые образцы винтовок и автоматов Федорова, Над другим образцом трудились лучшие слесаря мастерской, в том числе и Шпагин.

Работая над изготовлением отдельных частей пулемета Дегтярева, Шпагин понял, что Дегтярев действительно превзошел всех изобретателей Запада. Его пулемет был очень прост по конструкции, легок, удобен в обращении и грозен в бою. Именно о таком пулемете мечтали в армии. Шпагин твердо верил, что изобретение его учителя будет оценено и признано. Так и случилось. Примерно через год Дегтярев снова выехал на испытания в Москву. Его пулемет в поединке с пулеметом Токарева-Максима и немецким «драйзе» показал полное преимущество и был принят на вооружение Красной Армии. И хотя работа над усовершенствованием его продолжалась еще около двух лет, принятие пулемета Дегтярева к серийному производству рабочие считали большой победой всего коллектива.

Эти два года доработки, усовершенствования и отладки пулемета ДП (Дегтярев — пехотный) явились замечательной

школой для молодых конструкторов. В этой школе прошел трудный курс изобретатель из рабочих Георгий Шпагин. Он возмужал, творчески окреп и начал подумывать о самостоятельной изобретательской работе.

23

Ручной пулемет Дегтярева сразу же завоевал в армии всеобщее признание. С налаживанием его производства стали сниматься с вооружения устаревшие иностранные системы Льюиса, Шоша, Кольта. Возникла необходимость снабдить этим замечательным оружием не только пехоту, но и другие рода войск. По инициативе Федорова в конструкторском бюро вновь развернулись работы по унификации. На основе ДП создавался новый тип авиационного пулемета.

Над разработкой этого типа оружия трудился сам Дегтярев. Но так как нужда в авиационном оружии была острейшая, он привлек к работе Шпагина и еще нескольких опытных слесарей. Георгий охотно выполнял любое поручение, так как все это было для него ново и интересно. Еще не были окончены работы по авиационному пулемету, как возникла необходимость создания на основе ДП пулемета для танка.

Помня, как успешно Шпагин справился с переоборудованием для танков спаренных автоматов Федорова, Дегтярев решил поручить новое дело ему. Как-то утром, заглянув в станочное отделение, он подошел к Шпагину:

— Пойдем, Семеныч, к Владимиру Григорьевичу — есть важное дело.

Федоров пригласил их поехать в воинскую часть, чтобы на месте ознакомиться с танками. Они захватили с собой и новенький ДП.

Приспособление пехотного пулемета в авиации потребовало много изменений в системе. Дегтярев думал, что в танке для ручного пулемета будет больше места, чем в кабине летчика. Однако и в стальной коробке танка они столкнулись с немалыми трудностями.

— Оказывается, и в танке тесновато, — сказал Дегтярев.

— Да, тут нужно поразмыслить, — согласился Федоров.

— Ничего, я за это дело берусь, — решительно сказал Шпагин. — Сконструирую выдвижной приклад.

— Да, пожалуй, это единственный выход, — одобрил Дегтярев. — Ну что ж, Семеныч, берись за работу. Опыт по вооружению танков у тебя есть. Берись, мы на тебя надеемся!

На другой же день Шпагин получил от Федорова точные чертежи танковой коробки с обозначением места, где должен быть размещен пулемет.

Шпагин понимал, что порученная работа явится для него новым ответственным испытанием, и, прежде чем приступить к

ней, он несколько дней прикидывал, как и с чего начать. По габаритам пулемет Дегтярева резко отличался от автомата Федорова, и Шпагин понял, что придется разрабатывать новое гнездное устройство и вносить серьезные изменения в шаровую установку.

Дегтярев, видя, что Шпагин не приступает к работе, по нескольку раз в день подходил к нему, подбадривал:

— Ты не торопись, Семеныч, конструкторское дело спешки не любит.

— Да ведь дело-то срочное, Василий Алексеевич.

— А ты забудь о том, что оно срочное. Знаешь пословицу — «поспешишь — людей насмешишь». Ты думай о том, как бы лучше вышло. Это важнее всего. А получиться у тебя должно! В этом я уверен.

— Я тоже уверен, но как-то боязно…

— Ничего, ничего, если в чем сомнения будут — приходи ко мне, к Федорову, посоветуемся…

Шпагину было трудно начать. Так у него бывало со всяким делом. Но, начав, он как-то воодушевлялся, и тогда работа спорилась. Вот сейчас почти целую неделю он думал, волновался, ходил взвинченный и даже подумывал о том, не отказаться ли. Но Дегтярев, словно угадав его мысли, пришел подбодрить.

— Ты вот что, Семеныч, ты начни, начни с чего-нибудь и увидишь — дело пойдет. Начни хотя бы с разборки своей шаровой установки и сразу поймешь, что надо делать.

— Попробую, только не знаю… — сказал Шпагин.

Он неохотно начал разбирать шаровую установку, и вдруг его осенило! Вдруг все стало просто и ясно. Дело пошло и пошло, и уже его нельзя было остановить. Шпагин работал весело, вдохновенно, что-то напевая себе под нос. Дегтярев приходил, присматривался и, улыбаясь, уходил к себе. Он не любил без надобности отрывать от дела, мешать.

Шпагин не отличался таким спокойствием. Сделав хорошо какую-нибудь деталь, он радовался, как мальчишка, и бежал показывать Дегтяреву.

— Ну как, Василий Алексеевич, годится?

И если Дегтярев говорил: «Хорошо, Семеныч!» — он еще с большим воодушевлением уходил в работу, и его глуховатая песня звучала бодрей.

Когда новый тип танкового пулемета со всеми приспособлениями был готов, Федоров, Дегтярев и Шпагин снова выехали в воинскую часть. Пулемет был установлен в танке. Решили опробовать его в стрельбе.

— Дайте мне первому пострелять, — попросил Шпагин. Глаза

его так горели, что трудно было отказать.

— Раз ты сконструировал — тебе и испытывать, — согласился Дегтярев.

Шпагин легко выдвинул приклад и, наведя пулемет на мишень, дал длинную очередь.

— Ну, куда твой «льюис» — работает, как хронометр! — Погодите хвалить, — сказал Федоров. — Пусть постреляют сами танкисты».

Из пулемета стреляли с ходу, под разными углами. Все устройства работали безотказно. Было сделано пятьдесят тысяч выстрелов, и пулемет ни разу не отказал.

Через некоторое время танковый пулемет Дегтярева со специальными приспособлениями Шпагина был принят на вооружение Красной Армии. Федоров от души поздравил обоих конструкторов.

24

Постепенно конструкторское бюро, руководимое Федоровым, опытная мастерская, возглавляемая Дегтяревым, выросли, окрепли и превратились в единственную в Советском Союзе школу по конструированию. В коллективе бюро теперь трудилась группа конструкторов из рабочих: Колесников, Безруков, Шпагин, Симонов, Горюнов и другие.

Федоров и Дегтярев смело привлекали мастеров-оружейников и рядовых слесарей к творческой работе, поощряя их смекалку и находчивость, обсуждая с ними различные неполадки в изготовляемых образцах. Изобретатели из рабочих практически учились конструированию на разрабатываемых моделях: вначале на автоматах Федорова, а потом на пулеметах Дегтярева. Но, помимо практических навыков, они приобретали и серьезные теоретические знания, так как Федоров разработку любого типа оружия всегда старался поставить на строго техническую основу, привлекая к расчетам и чертежам специалистов с высшим техническим образованием: инженеров, конструкторов, технологов, расчетчиков. Ни одну работу он не выпускал из поля своего наблюдения. К Федорову шли за советами, за консультацией, и он с одинаковым вниманием принимал опытного инженера и простого рабочего.

Всесторонне изучив опыт империалистической и гражданской войн, Федоров умел предвидеть дальнейшие пути развития оружейной техники и верно направлял творческую мысль изобретателей-самоучек.

В конце двадцатых годов в опытной мастерской развернулись большие работы по созданию новых и усовершенствованию существующих автоматических винтовок. На объявленный Всероссийский конкурс изготовлялось несколько образцов винтовок конструкции Федорова, Дегтярева и мастера Безрукова.

Было объявлено, что в конкурсе могут принять участие и другие изобретатели. Это известие очень взволновало Шпагина. «А не попытаться ли мне сделать автоматическую винтовку?» — подумал он. Но, не имея определенного замысла, он решил лишь принять участие в проводимых работах, присмотреться к изготовляемым образцам, надеясь, что, быть может, и его осенит какая-нибудь светлая мысль.

Шпагин знал некоторые иностранные системы автоматических винтовок, хорошо знал автоматы Федорова, кое-что слышал о винтовках Токарева и Рощипея, но с дегтяревской конструкцией знаком не был. Теперь ему довелось ознакомиться

и с ней.

Хорошо изучив образцы, изготовлявшиеся в опытной мастерской, он признал лучшими винтовки Федорова и Дегтярева. Винтовка Безрукова ему показалась очень несовершенной. Предположения Шпагина сбылись. На предварительных испытаниях были отобраны винтовки Федорова и Дегтярева. Однако и в них оказалось много мелких дефектов. Конструкторам предложили работу продолжить и назначили новый конкурс.

Создание автоматической винтовки под мощный патрон было делом чрезвычайно трудным. Вес винтовок строго ограничивался, а давление пороховых газов при выстрелах оказывалось весьма сильным. Работа над этим видом оружия велась не одно десятилетие, а желаемых результатов пока достигнуто не было.

Шпагина и его товарищей сложная работа над автоматическими винтовками научила очень многому.

В эти же годы Дегтярев занимался созданием нового станкового пулемета, который, по его предположениям, должен был заменить тяжелый «максим». Пулемет этот разрабатывался по принципу ДП, но размеры в нем были другие, и это повлекло за собой создание совершенно новой системы. Здесь конструктора часто преследовали неудачи. Особенно много он мучился над охлаждением. Патронник при стрельбе нагревался так быстро, что из опасения преждевременного воспламенения капсюля и разрыва пулемета на него то и дело лили холодную воду. Кроме того, от перегрева пружина, находящаяся в передней части пулемета, теряла упругость и пулемет становился небоеспособным.

Эти два существенных недостатка нужно было устранить немедленно, так как они тормозили дальнейшую работу по усовершенствованию пулемета.

Василий Алексеевич потерял покой, ходил хмурый, задумчивый. Мастера так же болезненно переживали неудачу. Каждый из них стремился помочь делу, высказывал свои советы и пожелания. Шпагин, много думавший над улучшением системы, как-то посоветовал Дегтяреву перенести пружину пулемета из-под ствола в заднюю часть.

— Едва ли это что-нибудь даст, — сказал Василий Алексеевич, — ведь пулемет-то все равно будет перегреваться.

Но стоявший рядом Федоров не согласился с ним.

— Мне думается, предложение дельное, — сказал Федоров. — Перестановка пружины спасет ее от нагревания, И она не будет терять свою упругость.

Василий. Алексеевич задумался. Покурил свою трубочку.

— Что ж, пожалуй, можно попытать… Ты, Семеныч, прикинь, как это лучше сделать, и приходи ко мне, потолкуем.

— Да я уже думал, Василий Алексеевич. Давайте разберем пулемет, посмотрим.

Пулемет поставили на верстак, и оба конструктора, разбирая его, стали думать над тем, как и куда перенести пружину, какие изменения внести в конструкцию.

— А что если вот так, Василий Алексеевич, — сказал Шпагин и начал отверткой рисовать, как лучше разместить пружину.

— Нет, погоди, Семеныч. Тут горячиться не надо. Здесь потребуются новые крепления, а они отяжелят пулемет. Давай попробуем иначе.

Шпагин, горячась, доказывал свою правоту. Дегтярев терпеливо выслушивал, потом двумя-тремя словами охлаждал его пыл, доказывая, что это надо делать иначе, а как иначе — он пока и сам еще не знал. Оба чувствовали, что дальнейшие споры ни к чему не приведут, и потому согласились вопросы решать практически: попробовать несколько вариантов. Оба конструктора превратились в рядовых слесарей и станочников, пока, наконец, лучший из вариантов не был осуществлен. Когда пулемет был собран, Дегтярев закурил трубочку:

— Ну что же, Семеныч, теперь надо машину испытать в стрельбе.

— Что ж, испытаем. Я твердо верю в успех — перегрева не будет.

— Поглядим, — уклончиво ответил Дегтярев. Многие неудачи на испытаниях научили его быть сдержанным, не радоваться раньше времени.

Пулемет был доставлен на стрельбище. На всякий случай заготовили несколько ведер воды, чтобы при стрельбе охлаждать ствол, как и раньше. За пулемет лег Шпагин и сразу же ударил по мишени длинной очередью. Дегтярев подошел, потрогал ствол пулемета:

— А ну, давай еще!

Пулемет затрещал снова… Двести выстрелов… Триста… Пятьсот… Дегтярев снова потрогал ствол пулемета, и глаза его наполнились слезами радости.

— Хватит, Семеныч, хватит! Вижу, что конструктивные изменения в машине сделали ее другой. Дай я тебя обниму.

Так был создан ДС (Дегтярев — станковый).

25

Время летело стремительно. По всей стране кипела работа. Строились гиганты первой пятилетки: Сталинградский тракторный, Днепрогэс, Магнитка, Уралмаш. Завод, где работал Шпагин, расширялся: конструкторское бюро и опытную мастерскую перевели в новое помещение.

Со стремительным развитием индустрии представились большие возможности для оснащения Красной Армии новыми видами оружия. Рост бронетанковых войск и авиации требовал нового, более мощного стрелкового оружия. И вот в 1931 году конструкторское бюро получило важное задание: разработать на основе дегтяревского ДП крупнокалиберный пулемет.

Многим мастерам, да и Шпагину, это дело казалось несложным: увеличить вдвое калибр ствола (под патрон 12,7 миллиметра) и соответственно все части конструкции. Вот и готов новый пулемет! В действительности все оказалось куда сложнее. Расчеты показали, что при увеличении калибра примерно вдвое объем патрона увеличивается почти вчетверо. Следовательно, и давление пороховых газов будет в несколько раз больше, чем в существующем патроне. Если механически удвоить размеры пулемета, его при первых же выстрелах разорвет давлением газов. Все это предвидел Федоров и потому с первых же шагов конструирования решительно отказался от старых, полукустарных методов работы. К разработке новой конструкции были привлечены опытные конструкторы и инженеры, расчетчики, технологи, чертежники. Были сделаны точнейшие расчеты с учетом механических свойств стали, которая применялась для нового пулемета.

В работе над опытным образцом участвовал весь коллектив во главе с Дегтяревым.

И все-таки, когда первый образец нового пулемета был собран, из него никому не разрешили стрелять. «Будем испытывать под укрытием, — сказал Дегтярев, — мало ли что может случиться».

Опасения его были не лишены оснований. Дегтярев помнил, как четверть века назад при стрельбе разорвало винтовку Федорова и чуть не убило самого конструктора. Первый образец крупнокалиберного пулемета испытывали с большой осторожностью. Только после первых благополучных выстрелов к пулемету подошли стрелки-испытатели и конструкторы. Работал он с перебоями, как бы задыхаясь. Приходилось тут же, на стрельбище, заниматься ремонтом. Наконец, удалось добиться

бесперебойной стрельбы. Машина не перегревалась и показывала хорошие боевые качества. Конструктор и мастера приободрились. Было дано распоряжение продолжать испытания. Но едва наблюдавшие отошли в сторону, как раздался сильный взрыв, разворотивший коробку пулемета.

Неудача не обескуражила Дегтярева и его помощников. Они снова взялись за дело. Составлялись новые расчеты, выискивалась более прочная сталь, так как сильное утолщение стенок коробки Могло утяжелить пулемет, а этого нельзя было допустить.

Над крупнокалиберным бились несколько лет, но серьезных успехов достигнуто не было. То ломались отдельные детали, то при стрельбе всходили из строя целые части. Дегтярев осунулся, похудел. Не только дни, но и ночи он проводил в мастерской, а дело почти не двигалось.

Раньше в трудные минуты Дегтярев советовался со своим учителем Федоровым, но Федоров в 1931 году был переведен в Москву на научную работу, и с ним не так-то просто было повидаться…

Неудача с крупнокалиберным волновала не только Дегтярева, но и всех работавших с ним мастеров. Изобретатель Колесников, сконструировавший станок для пулемета, Шпагин и многие другие мастера упорно искали путей устранения недостатков. Но Шпагина, кажется, больше всех волновала эта машина. Он любил Дегтярева и очень хотел ему помочь.

26

Теперь Шпагин был уже не тем малограмотным слесарем, каким пришел в мастерскую в двадцатом году. Двенадцать лет он проработал в коллективе конструкторского бюро. Немалый срок! За это время он мог бы окончить среднюю школу и институт — стать инженером. Но и в опытной мастерской эти годы не пропали даром. В оружейном деле он теперь разбирался не хуже некоторых инженеров; и молодые специалисты, прибывавшие из институтов, нередко обращались к нему за советом. Он до тонкостей знал почти все системы автоматического оружия и умел понимать тайны и капризы механизмов. Однако крупнокалиберный пулемет, ставивший в тупик самого Дегтярева, был и для него большой загадкой. «Это орешек не простой, — думал Шпагин, — его не так-то легко будет нам раскусить». И это его подзадоривало.

Еще в юности Шпагин отличался упрямым характером. С годами упрямство перешло в настойчивость, в упорство. И чем серьезнее была преграда, тем больше пробуждалось в нем воли. «Нет, я должен во что бы то ни стало помочь Дегтяреву усовершенствовать крупнокалиберный», — твердо решил он.

Дегтярев и сам подумывал о том, чтобы привлечь к работе над крупнокалиберным Шпагина. Правда, к этому решению он пришел не сразу, так как многолетняя работа до революции в одиночку сделала его замкнутым. Коллектив советского конструкторского бюро благотворно влиял на его характер, хотя и изменял его крайне медленно. Все же Дегтярев чаще и чаще делился с товарищами по работе, советовался с ними; его тянуло к коллективной мысли.

Работая над крупнокалиберным, он стал выносить на общественный суд свои неудачи. И с кем бы конструктор ни говорил — будь то инженер или рядовой рабочий, — он внимательно прислушивался к советам, каждое предложение взвешивал, обдумывал.

Дегтярев долго искал случая по душам поговорить со Шпагиным. А Шпагин сам пришел к нему.

— Василий Алексеевич, я давно думаю над крупнокалиберным, и у меня есть кое-какие предложения.

— Это хорошо, Семеныч, выкладывай.

— По-моему, можно увеличить скорострельность за счет изменения системы боепитания (подачи патронов), а также усилить живучесть.

— Так это же самое главное, над чем я бьюсь! Ты вот что,

Семеныч, приходи-ка завтра с утра ко мне в кабинет. Поговорим по душам.

Предложения, с которыми пришел Шпагин, зрели и вынашивались долго. И Дегтярев, выслушав его, понял, что тут дело серьезное. Шпагин не просто рекомендовал улучшить какие-то детали в пулемете — он предлагал внести коренные изменения в систему, и Дегтяреву показалось, что эти изменения могут дать многое.

— Послушай, Семеныч, предложения твои очень дельные. Но чтобы осуществить их, придется здорово потрудиться. Давай-ка, брат, поступим так: перебирайся завтра с утра ко мне в кабинет, начнем работать сообща. Как, согласен?.. Ну так вот тебе моя рука — завтра жду!..

Шпагин в этот день уже не мог работать. Он отпросился и ушел с завода. Однако направился не домой, а решил прогуляться. Дома было шумно: четверо детей да родичи, а хотелось побыть одному. Он пошел через город в запущенный сад, на берег Клязьмы. На горе, под плакучей березой, было тихо, пахло свежим душистым сеном. Река, извиваясь, пересекала широкую поляну. На другом берегу ее пестрели поля и темной полосой тянулся лес. День был тихий. Солнце клонилось к западу, от реки тянуло влажной прохладой. Шпагин любил посидеть один, подышать свежим воздухом, подумать. А подумать было о чем. Дегтярев предлагал не просто сделать какие-то приспособления к уже готовой машине, а вместе с ним работать над коренным усовершенствованием системы. Шпагин радовался высокому доверию и в то же время побаивался. На его плечи ложилась большая ответственность: создание крупнокалиберного пулемета было важным правительственным заданием. «А вдруг ничего не выйдет? — думал он. — Вдруг оскандалимся?».

Да, было над чем задуматься. Полбеды, если б он всю систему делал сам: тогда в случае неудачи вся вина легла бы на него одного. А теперь он мог подвести доверившегося ему Дегтярева…

Шпагин развалился на траве и, кусая сухую былинку, продолжал размышлять.

Он довольно ясно представлял, как нужно изменить систему боепитания, как по-новому сделать приемник для патронов. Он понимал, какие части пулемета нужно утолстить, чтобы создать большую живучесть… Он все понимал,. Чувство уверенности постепенно вытеснило все сомнения и колебания и окончательно завладело им.

«Буду помогать доделывать пулемет Дегтярева… Может быть, и мне случится что-нибудь изобретать, и сам я окажусь в трудном

положении… Вот тогда и Василий Алексеевич протянет мне руку помощи… Впрочем, я и так ему очень многим обязан».

Подойдя к реке, Шпагин разделся и бултыхнулся в воду.

27

Утром, направляясь к Дегтяреву, Шпагин думал, как-то сложатся их отношения на новой работе, какова будет его роль в усовершенствовании и доделке пулемета? Однако, войдя в кабинет главного конструктора, он несколько смутился. У широкого окна, рядом со столом Дегтярева, стоял другой стол и на стыке этих столов — крупнокалиберный пулемет. Дегтярев, увидев Шпагина, поспешил ему навстречу.

— Здравствуй, Семеныч, а я давно тебя жду. Уж и стол приготовил. Устраивайся — будем трудиться сообща.

Шпагин весело спросил:

— Как же, с чего начнем, Василий Алексеевич?

— Давай начнем с ломких деталей. Подумаем над твоим предложением о живучести.

Это было сказано так просто, так задушевно, что Шпагин, скинув пиджак, присел к Дегтяреву и вместе с ним принялся разбирать пулемет…

Весь коллектив опытной мастерской был включен в работу. Все трудились над крупнокалиберным. Иногда какая-нибудь часть пулемета переделывалась много раз, испытывалась на взаимодействии частей, опробовалась в стрельбе.

Иногда между Шпагиным и Дегтяревым возникали размолвки, вспыхивали ссоры. Шпагин уходил домой и по нескольку дней не являлся на работу. Бывали случаи, что Дегтярев сам шел к нему, успокаивал, приводил в бюро. Но когда тот или иной узел механизма удавалось отладить, оба радовались, как дети, и вечером Дегтярев зазывал Шпагина к себе на чаепитие.

Начав с изменения и переконструирования отдельных: деталей, они вынуждены были переделывать и изменять, целые узлы. Вся конструкция пулемета подверглась серьезной переделке. Не удивительно, что, работа затянулась, не на один год. Зато теперь каждая деталь, каждая часть пулемета была всесторонне обдумана, испытана и тщательно обработана.

Была по-новому разработана система боепитания, усовершенствована работа затворной рамы, упрочен трескавшийся от длительной стрельбы затыльник, сконструирован дульный тормоз. Были видоизменены многие мелкие детали. Система стала компактной, надежной, выносливой. Повысилась ее боевая мощь.

В 1938 году конструкторы со своим пулеметом выехали в Москву на государственные испытания, на которых должен был

присутствовать товарищ Ворошилов.

Пулемет показал отличные боевые качества и был принят на вооружение Красной Армии. По настоянию Дегтярева его назвали ДШК (Дегтярев — Шпагин — крупнокалиберный).

28

Успех крупнокалиберного пулемета окончательно убедил Шпагина в том, что настало время заняться самостоятельной творческой работой.

Грозные события на Западе — наступление германского фашизма на Европу — томило сердце тревожными предчувствиями. Война с фашистской Германией казалась неизбежной; и Шпагин готов был все свои силы посвятить созданию для Родины нового, грозного оружия.

Но какое оружие более всего требовалось сейчас, на что следовало направить творческую мысль — он представлял себе недостаточно ясно. Ответ на этот вопрос могли дать лишь очень прозорливые специалисты, тщательно изучающие опыт последних войн и развитие боевой техники: «Жаль, что нет сейчас с нами Владимира Григорьевича Федорова, — подумал Шпагин. — Вот кто помог бы мне мудрым советом… А что если поехать к нему, ведь Москва не так уж далеко? Честное слово, это было бы здорово!»

Шпагин не любил задуманное дело откладывать в долгий ящик. В первую же субботу ночью он выехал в Москву.

Двухэтажный кирпичный домик типа коттеджа утопал в зелени небольшого тихого переулка. Шпагин с трепетом постучал в застекленную дверь веранды. «Восемь лет не виделись, узнает ли?» Он чувствовал большое смущение и неловкость. Ведь Федоров теперь был профессор. Встречались же они в то время, когда Шпагин был не конструктором, а простым слесарем…

Но вот на веранду вышел сам Федоров и, узнав Шпагина, поспешил к двери.

— Георгий Семенович, какими судьбами? Рад, очень рад! — воскликнул он и крепко обнял взволнованного Шпагина.

За восемь лет Федоров почти не изменился. Такой же крепкий, подтянутый, только усы слегка поседели.

Через несколько минут они уже сидели в кабинете, заставленном книгами, с открытым окном в благоухающий сад. Рассказав о Дегтяреве, о совместной работе с ним над крупнокалиберным, о похвале товарища Ворошилова, Шпагин вдруг замолчал, почувствовал неловкость.

— Что это с вами, Георгий Семенович? — встревожился Федоров.

— Да так… — смущенно начал Шпагин. — Можете подумать, что хвастаться приехал… А ведь я, в общем-то, только помог Дегтяреву… а сам ничего особенного не сделал…

— Полно, Георгий Семенович. Вы еще молодой человек, у вас все впереди.

— Да, молодой… Вон Симонов всего на три года старше, а уж его на завод отозвали — изобрел самозарядную винтовку.

— Да, Сергей Гаврилович молодец! Его изобретение очень талантливо. Но и в вас я верю, Георгий Семенович. Ваши успехи говорят о многом… А скажите, не тянет ли вас на разработку какого-нибудь нового типа вооружения?

— Как не тянет, Владимир Григорьевич. Другой раз ночи напролет думаю… И чувствую, мог бы кое-что сделать, да не знаю, на что нацелиться… Дегтяреву было легче — вы всегда его направляли…

— А помните, Георгий Семенович, с чего вы начинали свои первые шаги в мастерской?

— Как же, с вашего автомата.

— Вот именно. Я тоже это хорошо помню. А знаете, между прочим, проблема автомата у нас еще не решена. Мне думается, что этому оружию принадлежит большое будущее. Оно, очевидно, станет исключительно важной силой в грядущей войне, если ее не удастся избежать… Это подтверждается многими примерами недавней военной истории.

— Расскажите, Владимир Григорьевич. Это очень интересно.

— Вы ведь, наверное, знаете, что я занимаюсь автоматикой давно, больше тридцати лет. Написал много трудов и работал практически.

— Как же, ваша книга «Автоматическое оружие» была первым моим учебником. Я и сейчас с ней не расстаюсь.

— А вы, наверное, не знаете, что еще в то время, когда создавалась эта книга, в Ораниенбауме велись опыты по разработке нового оружия — автомата.

— Как же, я хорошо знаком с вашим автоматом образца шестнадцатого года.

— Нет, то было лет на десять раньше. Тогда предпринимались попытки сделать автомат под пистолетный патрон.

— Об этом я не слыхал.

— Так вот, в те годы, когда мы с Дегтяревым работали в Ораниенбауме над автоматической винтовкой, по приказанию начальника полигона полковника Филатова была сделана попытка создать автомат под пистолетный патрон. Правда, это были лишь пробные опыты, но они очень примечательны.

— Что же это были за опыты?

— В мастерской полигона переделали спусковые механизмы пистолетов Маузера и Борхардта Люгера для непрерывной

стрельбы. Пистолеты работали безотказно, но кучность боя оказалась никуда не годной. Пистолеты были очень легки и при непрерывной стрельбе сильно подбрасывались в руках. Пули разлетались под большими углами.

— И что же из этого вышло? — спросил Шпагин.

— Опыты пришлось прекратить. Но важно то, что попытка создания автомата ближнего боя предпринималась нашими оружейниками более тридцати лет назад. Мы были пионерами в этом деле, и мы должны продолжать, настойчиво продолжать поиски наиболее совершенного типа этого оружия.

— После наших опытов примерно через восемь лет, — с волнением продолжал Федоров, — во время кровопролитных боев на реке Изонцо в Италии, итальянские войска применили против австро-германцев пистолеты-пулеметы конструкции Ревели. Это были спаренные пулеметы с броневым щитом на маленьких сошках. Итальянское оружие было в восемь раз тяжелее наших опытных образцов. Зато в нем было и серьезное достоинство — хорошая кучность пуль. Однако из-за тяжести его нельзя было применить как ручное оружие. Мой автомат шестнадцатого года весил почти вдвое меньше — четыре с половиной килограмма. Он был более удобным. Но в восемнадцатом году на Западе появился автомат еще меньшего веса, под пистолетный патрон. Западные конструкторы, так сказать, осуществили нашу идею.

— И как же этот автомат действует?

— Радиус действия этого автомата был невелик — двести — триста метров. Многие военные специалисты считали такое оружие удобным лишь в обороне, но бесполезным в наступлении. Однако эти мнения были опровергнуты боевыми действиями.

— Когда? Где? — перебил Шпагин.

— А война между Боливией и Парагваем в 1934 году. Там автоматы под пистолетный патрон применялись в наступлении, особенно в уличных боях. Результаты отличные!

Шпагин вздохнул:

— Я этого не знал…

— На Западе сейчас лихорадочно вооружают армию автоматами под пистолетный патрон. Мы не имеем права уступать первенства.

Шпагин встал и крепко пожал руку Федорову.

— Владимир Григорьевич, от души благодарю вас. Теперь я знаю, что мне делать. Большое вам спасибо! — и он, отказавшись от обеда, поспешил домой.

29

Шпагин несколько дней ходил под впечатлением разговора с Федоровым. Теперь ему была ясна идея будущего изобретения. Да, он должен создать автомат под пистолетный патрон — грозное оружие ближнего боя. Автомат этот ему мыслился легким, маневренным, с высоким темпом стрельбы, способным давать шквальный огонь. В то же время новое оружие должно быть простым, чтобы с ним легко мог справиться рядовой боец. Только тогда оно может стать основным оружием пехоты.

Мысли об автомате не покидали Шпагина ни днем, ни ночью. Он стал замкнут, неразговорчив. Дома задумывался даже за обедом и нередко дочерям отвечал невпопад. Те прыскали, но мать суровым взглядом останавливала их:

— Тише, стрекозы, чего вам не сидится?.. Видите, отец думает…

Шпагин пытался нарисовать будущий автомат в своем воображении или набросать на бумаге, но ничего не получалось.

«Хорошо быть простым мастером, — думал он, — столяром, токарем, сапожником… Дали тебе чертеж или модель — и танцуй от них… Сразу представляешь, что и как нужно делать, знай работай… А тут, кроме желания создать новое оружие, ничего нет… вот и попробуй, сделай… Нет, надо от чего-то отталкиваться. Ведь и шаровую установку я делал, отталкиваясь от старой модели. Да и все изобретатели поступают так же! Даже скульптор, чтоб вылепить какую-нибудь статую, делает наброски с живых людей… Надо начинать с тщательного изучения всего, что сделано в этом направлении. А потом уже совершенствовать, создавать лучшее…»

И он снова обратился за помощью к своему учителю.

Федорова очень обрадовало желание Шпагина заняться разработкой автомата под пистолетный патрон. Это и понятно: ведь Владимир Григорьевич первый пролагал пути к созданию нового типа оружия. Его по праву считают изобретателем первого в мире автомата, который был применен в боях на Румынском фронте еще в 1916 году.

Он снабдил Шпагина таблицами боевых и технических качеств известных автоматов, созданных за последние двадцать лет, и даже подарил рисунки некоторых образцов.

Эти материалы были настоящим кладом для конструктора.

Шпагин долго и кропотливо разбирался в них, сравнивал один образец с другим.

Его удивляло, что все автоматы под пистолетный патрон

очень тяжелы: их вес с наполненным магазином колебался от пяти до семи килограммов. Из-за этого они были громоздки и неудобны. И первое, чего хотелось добиться Шпагину при разработке своего автомата, — это предельного уменьшения веса.

А для этого нужно было знать вес деталей западных автоматов, толщину стенок коробки, ствола и многое другое. Георгий Семенович же располагал лишь самыми общими сведениями: о калибре, длине и весе автомата, о дальности прицельной стрельбы, о весе магазина, длине ствола и т. д.

Для конструкторов с инженерным образованием, привыкших мыслить аналитически, этих сведений было бы, вероятно, достаточно, чтобы представить себе каждый образец и оценить его достоинства. Для Шпагина их было мало.

Даже то, что было создано другими и от чего предстояло ему оттолкнуться, чтобы сделать прыжок вперед, он должен был не только знать по описаниям, но и видеть собственными глазами, ощупать собственными руками. Он должен был во что бы то ни стало познакомиться с существующими автоматами. А где их взять?..

Много вопросов волновало Шпагина. Много мыслей не давало ему покоя…

Однажды его срочно вызвали к директору.

На директорском столе лежал автомат с толстой ложей и массивным деревянным цевьем.

— Ну вот, можешь полюбоваться, Георгий Семенович, — немецкий автомат… Был захвачен нашими добровольцами во время войны в Испании… Что скажешь?

Шпагин взял автомат в руки и сразу узнал его по рисунку.

— Правильно, это немецкий «Рейн-металл», — сказал он, жадно и пристально осматривая оружие.

— Ну, что, какова машина?

— Тяжеловата! — сказал Шпагин, взвешивая автомат на руке, — А как в устройстве и работе — надо поглядеть… разобраться.

— Хорошо, забирай его к себе, Георгий Семенович, изучай да мозгуй над тем, как бы сделать свой, чтоб и полегче и понадежней, ну и, само собой, попроще в изготовлении…

— Постараюсь… думаю, что хуже не сделаю… — ответил Шпагин, а про себя подумал: «Уж теперь-то я разберу его по косточкам, определю все достоинства и недостатки, а свою машину сделаю такой, что все ахнут!..»

30

Тщательно очистив автомат от пыли, грязи и масла, Шпагин начал осмотр. На тыльной части коробки он увидел надпись: «Р-М —40». Он взглянул на рисунок в книге. Не вызывало сомнений, что автомат был изготовлен по старому образцу. Принцип устройства был тот же, что и у известного ему по описаниям автомата «Рейн-металл» образца 1918 года: свободный, не сцепленный со стволом затвор при выстреле отбрасывался пороховыми газами назад и, натыкаясь на возвратную пружину, возвращался в прежнее положение, подавая патрон в ствол; так как пуля во много раз легче затвора, она вылетала вместе с большей частью газов, и давление на затвор в связи с этим было невелико.

Шпагин тотчас же вспомнил автомат Федорова образца 1916 года. Там был подвижной ствол. И хотя конструкция Федорова отличалась от других автоматических систем того времени оригинальностью и простотой, все же свободный затвор для автомата с пистолетным патроном казался Шпагину более целесообразным.

Однако, найдя удачной конструкцию механизма, Шпагин обнаружил в автомате «Рейн-металл» много всяких недостатков. Во-первых, автомат был громоздок, неуклюж и, как говорят солдаты, «не прицелист». Он весил без патронов 4090 граммов, а с магазином на 50 патронов — почти 6 килограммов. В этом отношении он мало отличался от автомата Федорова. Правда, он был короче на 29 сантиметров, что создавало больше удобств для действий в окопах, траншеях, домах или в лесу. Зато прицельная дальность немецкого автомата была в пять раз меньше — всего 200 метров. Автомат же Федорова поражал на 1000 метров.

Проводя сравнения между автоматами «Рейн-металл» и Федорова, Шпагин склонялся то в пользу одного, то в пользу другого. И ему хотелось сделать третий автомат, который вобрал бы в себя лучшие качества обеих конструкций и отличался бы простотой изготовления, легкостью, а также более высоким темпом стрельбы и большей вместимостью магазинов.

Он сразу же решил, что калибр автомата Федорова (6,5 миллиметра) более предпочтителен, чем калибр «Рейн-металла» (9 миллиметров). Ведь одно это может дать выгоду и в весе автомата и во вместимости магазинов.

Короткий пистолетный ствол у «Рейн-металла» длиной в 200 миллиметров весил, конечно, меньше, чем ствол в 520 миллиметров, но проигрывал в прицельной дальности. Кроме

того, он уменьшал начальную скорость пули, а следовательно, и ее убойную силу.

Тяжелая, громоздкая коробка автомата «Рейн-металл» не шла ни в какое сравнение с коробкой автомата Федорова. А Шпагин и внешнему виду автомата придавал серьезное значение, И дело тут не только в эстетических вкусах, а в том, что компактность и обтекаемость оружия создавали наибольшие удобства в обращении с ним.

Из сравнений разных систем у Шпагина складывались свои твердые взгляды на отдельные узлы автомата. Постепенно в его воображении вырисовалась новая модель более совершенного оружия. Он делал многочисленные наброски, обдумывал, вынашивал замысел будущей конструкции, как художник вынашивает образы героев будущего произведения, обдумывает сотни сюжетных ходов и построений, прежде чем взяться за перо или кисть.

31

Между тем военные события на Западе продолжали развиваться. Захватив Австрию, гитлеровская Германия поглотила Чехословакию, вступила в войну с Польшей, Францией, Англией.

Сведения с фронтов европейской войны говорили о том, что фашистская армия оснащена новейшим автоматическим оружием.

Шпагину не было известно, что в те дни, когда он вынашивал мысль о создании автомата под пистолетный патрон, Дегтярев уже получил срочное задание — взяться за разработку именно такого типа оружия.

Дегтярев был хорошо информирован о вооружении западных армий. Знал он и об автоматах, которые применялись в боях.

Он пригласил Шпагина и вместе с ним начал разбирать и осматривать «Рейн-металл». Шпагин с нетерпением ждал, что скажет об этой машине Дегтярев, и очень обрадовался, когда суждения талантливого конструктора совпали с его собственным мнением: Дегтярев одобрил принцип работы механизма, но нашел автомат громоздким и слабым в боевом отношении.

— Нам необходимо будет подумать над увеличением боеспособности автомата, — сказал Дегтярев, — увеличить темп стрельбы, удвоить прицельную дальность и создать более вместительный магазин для патронов…

Дегтярев любил обдумывать будущую конструкцию в уединении. Иногда он даже уходил в лес и, присев где-нибудь на пеньке или на сломанном дереве, размышлял… Когда главные узлы конструкции были осмыслены и модель начинала проясняться в его воображении, он набрасывал схемки и давал задания чертежникам, расчетчикам, инженерам-конструкторам. В работу, таким образом, вовлекался весь коллектив конструкторского бюро.

На этот раз работа должна была быть выполнена в исключительно сжатые сроки. И Дегтярев и его сотрудники понимали, что от них зависит, насколько быстро можно будет оснастить Красную Армию новым оружием. Поэтому, беря за основу существующий принцип автоматики, Дегтярев не стремился к коренной переделке системы.

Прежде всего он предложил уменьшить калибр с 9 миллиметров до калибра русской винтовки Мосина — 7,62 миллиметра. Исходя из этих данных и велись все расчеты будущего автомата.

Для охлаждения ствола Дегтярев решил применить трубчатый кожух с продолговатыми сквозными отверстиями и внес в конструкцию много других улучшений, добиваясь ранее поставленной цели — увеличения боевой мощи создаваемого оружия. Иногда изменения и усовершенствования производились в процессе работ над опытными образцами.

Шпагин принимал участие в работе над отдельными узлами нового автомата. В эти дни он особенно тщательно следил за работой Дегтярева, дивился его сообразительности, учась у него искусству конструирования.

Неожиданно вспыхнула война с белофиннами. Наша пехота шла на белофинские укрепления с магазинными винтовками системы Мосина, самозарядными винтовками Симонова и Токарева. Коллектив конструкторского бюро, руководимый Дегтяревым, спешно завершал свои работы по созданию нового автомата.

В разгар войны с белофиннами автомат Дегтярева ППД (пистолет-пулемет Дегтярева) был готов. Он показал хорошие боевые качества в сравнении с немецким и финским автоматами. Завод приступил к производству нового оружия.

Сравнивая три автомата, Шпагин считал, что Дегтярев добился серьезных успехов. Благодаря изменению калибра и внесению конструктивных изменений ему удалось уменьшить вес своего автомата на 1 килограмм и 200 граммов по сравнению с весом «Суоми» и на 600 граммов по сравнению с весом «Рейн-металла». Стремясь к наибольшей боеспособности автомата, Дегтярев увеличил начальную скорость пули до 400 метров в секунду (у «Рейн-металла» — 327 метров в секунду, а у «Суоми» — 300). Это позволило в два с половиной раза увеличить прицельную дальности (с 200 до 500 метров) и повысить темп стрельбы с 600 («Рейн-металл») до 1100 выстрелов в минуту. К тому же Дегтярев создал магазин вместимостью 70 патронов, что положительно сказалось на боеспособности автомата.

Шпагин от души радовался успехам своего учителя и в то же время продолжал вынашивать свою конструкцию. Он видел, что ППД создавался в спешке, и Дегтярев, естественно, не мог устранить некоторые недостатки, которые в других условиях не были бы допущены.

Учитывая все это, Шпагин стремился создать такой автомат, который превзошел бы автомат Дегтярева во всех отношениях.

В то время как автоматы Дегтярева шли из цехов на фронт, у Шпагина уже начали вырисовываться основные контуры нового оружия. Оставаясь по вечерам в мастерской, он стал создавать пробный макет своей машины.

Шпагин ставил перед собой задачу предельно уменьшить вес автомата, упростить процесс его производства.

32

Зима в тот год была на редкость свирепой. Морозы завернули такие, что трещали телеграфные столбы. Ночью приходилось подкладывать в печку дров.

В пятницу на второй неделе января мороз был особенно лют. И все-таки, когда прозвучал обеденный гудок, Шпагин вышел из конструкторского бюро и направился домой. Хотелось поесть горячих щей, посидеть у растопленной печки, подумать.

В легких валенках бодро шагалось по скрипучему снегу. Деревья застыли в голубоватом инее. Из труб притихших домов столбами поднимался густой розоватый дым. Мороз щипал лицо, приходилось дышать в рукавицу. На улицах было пустынно.

Вдруг Шпагин услышал гулкое пофыркивание машины и шум голосов. Он свернул на главную улицу и увидел большую толпу около школы. Его обогнали двое мальчишек.

— Бежим быстрее, Федька, уже привезли, — торопил паренек постарше.

— Кого привезли? — спросил Шпагин.

— Раненых. В школе устраивают госпиталь.

Шпагин побежал вместе с мальчишками, протиснулся сквозь толпу. Из открытого автобуса на носилках выносили закутанных в одеяла раненых бойцов. Некоторые из них стонали. Женщины, уткнув лица в воротники, плакали. Мальчишки, растирая рукавицами щеки и носы, смотрели с испугом, стараясь заглянуть в глаза бойцов.

Шпагин прошел в помещение. Его узнали, дали белый халат, провели к начальнику госпиталя. Начальником оказался известный в городе врач Сергей Александрович Павлов. Добродушный, с седеющей бородкой, одетый в военную форму, он как-то посуровел и выглядел строго, но Шпагина принял учтиво, как старого знакомого.

Шпагин поинтересовался, хорошо ли оборудован госпиталь, не нужно ли чем помочь.

— Спасибо, Георгий Семенович, кроватей и постельных комплектов достаточно, медикаментов тоже, а это теперь — главное… Вот в коридорах санитары очень стучат сапогами… Если б достать ковры, было бы отлично… Раненым нужен покой… Хорошо бы раздобыть также шашки, домино, шахматы, а то выздоравливающим будет скучновато.

— Ясно, Сергей Александрович. Сейчас постараюсь расшевелить общественность.

Шпагин уселся к телефону и стал звонить в завком, в клуб, в

горсовет…

Часов в семь, когда коридоры были застланы ковровыми дорожками, когда раненые успели пообедать и отдохнуть после трудной дороги, Сергей Александрович пригласил Шпагина пройтись по палатам, поговорить с фронтовиками.

Обойдя несколько палат, Шпагин ни с кем из бойцов не разговорился. Все они устали после дороги, разговор как-то не вязался. И уже когда он собирался идти домой, из угла палаты кто-то окликнул его по имени. Шпагин остановился и стал всматриваться в молодое заросшее лицо.

— Не узнаете, Георгий Семенович? Это же я — Шухов, Антипа Савельича сын.

— Гриша, неужели ты? — Шпагин вспомнил веселого паренька с кудрявой шевелюрой, которого он в прошлом году устроил учеником в ремонтно-механический. Теперь, остриженный наголо и небритый, Гриша совсем не походил «а себя. Лишь веселые, как у отца, глаза светились голубоватым огнем. Шпагин пожал ему руку, присел рядом на кровать. У него явилось желание отругать Григория за то, что тот самовольно, не посоветовавшись ни с ним, ни с отцом, ушел в лыжный батальон, но обстановка была явно неподходящая, и Шпагин только спросил:

— Отец знает?

— Нет. Я не писал… И вы не расстраивайте его, Георгий Семенович. Доктор говорит: «Вылечу, поставлю на ноги»… А поначалу-то я испугался, думал, ногу отнимут.

— Обморозил, что ли?

— Нет. Ранение… Автоматчик нас срезал… шюцкоровец.

— Автоматчик, говоришь?..

— Да. На разведку наше отделение ходило. Все на лыжах, В лесу тишина, идем осторожно. Вдруг тра-та-та-та, и шестерых как не бывало — наповал срезал. А двоих — меня и еще одного бойца, Сашку Мохова, — ранило. Он, автоматчик-то этот, на елке сидел. Наши, которые уцелели, залегли за деревья и из винтовок его ссадили. Потом и нас вынесли. А шестерых там и схоронили.

Шпагин вздохнул.

— И большие потери от автоматчиков?

— Ох, большие, Георгий Семенович… Если бы в открытую бились, тогда другое дело, а то нам его не видно; а мы у него как на ладони. Бьет на выбор, наверняка. А главная беда в том, что у них автоматы, а у нас винтовки.

— Значит, автоматы очень нужны бойцам?

— Так нужны, Георгий Семенович, что и сказать нельзя.

Шпагин задумался, почесал подбородок.

— Ну вот что, Гриша, я отца подготовлю, ты не печалься об этом, тебе сейчас поправляться надо. А автоматы мы уже делаем и скоро будем их штамповать, как ложки…

Шпагин вышел из госпиталя взволнованный. Напряженно работала мысль: «Как был прав Федоров, призывая к созданию автоматов! Если б мы тогда по-настоящему взялись за дело, может быть, тысячи бойцов были бы спасены от смерти…»

Он шел и думал, и даже мороз не брал его разгоряченное тело. «Автоматы, автоматы… Сколько же их нужно?.. Ведь, пожалуй, я рано обнадежил бойцов. Завод выпускает ППД в небольшом количестве, а их нужно штамповать, как ложки. Следует до предела упростить конструкцию. Нужно все главные части поставить на штамповку. Это оружие должно стать действительно массовым… Штамповка — вот что может нас спасти и выручить. Да, автоматы нужно штамповать, как ложки! Но как, как этого добиться?..»

33

Разговор с фронтовиками заставил Шпагина пересмотреть и заново продумать то, что было продумано сотни раз. И это естественно. Ведь он собирался поставить вопрос о перевооружении армии новым автоматическим оружием, хотя автомат Дегтярева был только что принят на вооружение.

Шпагин знал, что организация производства ППД вовлекла за собой огромные затраты. Он отлично понимал, что автомат Дегтярева значительно лучше иноземных, значит, чтобы поставить вопрос о замене его, нужно было Создать что-то необыкновенное. Но можно ли было надеяться на такой успех? Автомат Дегтярева работал безотказно: бойцы присылали с фронта множество писем, в которых давали ему самую высокую оценку. Казалось, не было никакого резона браться сейчас за разработку нового образца.

Но Шпагин смотрел на дело иначе. «Время идет вперед, — размышлял он. — Техника развивается и совершенствуется не по дням, а по часам. Едва ли немцы продолжают выпускать автоматы по образцам восемнадцатого и двадцатого годов. Конечно, у них появились новинки. И эти новинки могут оказаться более совершенным оружием, чем автоматы ППД. Мы должны предусмотреть это и лишить будущих противников возможного преимущества в вооружении». На успех было не так уж много надежд. И все же Шпагин твердо решил действовать.

В автомате Дегтярева, как и в заграничных системах, он видел один крупный недостаток — сложность изготовления. Наблюдая в цехах, как делаются ППД, он подсчитал, что при таких темпах для оснащения Красной Армии автоматами потребуется чуть ли не десять лет. Конечно, это был очень грубый подсчет, но все же его следовало иметь в виду, думая о перевооружении армии.

Пусть этот срок удалось бы сократить вдвое, но и тогда он был бы решительно неприемлем, так как фашистская армия уже была вооружена автоматами. Нужна была новая, предельно простая конструкция автомата, обеспечивающая штамповку оружия и оснащение им армии в течение не десяти лет, а десяти месяцев.

Именно это, а не конструктивные особенности автомата Шпагин считал главным в настоящий момент.

Смущало его лишь одно: можно ли производство оружия, да еще оружия автоматического, поставить на штамповку? Над этим следовало задуматься, так как ни в одной стране мира подобных

опытов еще не производилось.

Шпагин не был ни инженером, ни специалистом по обработке металла. Он не мог подтвердить расчетами свои соображения. Он боялся, что его предложения натолкнутся на косность некоторых руководителей, и хорошее, нужное дело может погибнуть в самом зародыше. И он решил проверить правильность своих замыслов, убедиться в практической возможности осуществления штамповки в производстве точных деталей.

«Ложки действительно штампуют, — думал он, — но ведь их штампуют из тонких листов, да еще из мягкого алюминия или податливой нержавеющей стали. С автоматами совсем другое дело. Даже кожух надо штамповать из трехмиллиметрового железа. Это не шутка! К тому же нужна исключительная точность отделки, чтобы детали после штамповки шли на сборку без дальнейшей обработки. Возможна ли в штамповке такая чистота?.. Надо побывать на заводах, посмотреть, поговорить со специалистами…»

Как-то, вернувшись с завода домой, Шпагин увидел у дочки маленький заводной автомобильчик.

— А ну-ка, покажи, дочка, что у тебя за машина?

Та подала ему игрушку.

— Интересно… весь кузовок штампованный… удачно, очень удачно. Правда, из тонкой жести, но сделан здорово, ничего не скажешь… А что если бы взглянуть, как делаются настоящие автомобили? Ведь там, очевидно, крупные детали штампуют?..

Шпагин не любил откладывать задуманное. Отпросившись на заводе на два дня, он отправился в Горький на автомобильный завод.

34

То, что Шпагину довелось увидеть в кузнечно-прессовом цехе, его поразило: огромные прессы с необыкновенной легкостью штамповали из листового железа крылья машин, дверцы, кузова..

Особенно заинтересовал его пресс, на котором из пятимиллиметрового железа штамповались тяжелые гаечные ключи. Одно нажатие рычага — и ключ готов!

«Ну, раз такое железо штампуется, — подумал Шпагин, — волноваться за автоматы нечего. Дело пойдет».

Он внимательно осмотрел отштампованные изделия, ознакомился со штампами и изготовлением их. Изделия были очень чистыми и не нуждались ни в какой обработке.

Шпагин возвращался домой довольный. «Нужно смело браться за разработку вырубки кожуха и коробки автомата. Если это удастся поставить на штамповку, главное будет сделано!»

Небольшая комнатка Шпагина, которую все домашние называли «спальней», за несколько дней превратилась в мастерскую. Шпагин не только не позволял делать там уборку, но даже никого в нее не пускал. Возвращаясь с работы, он раскладывал на столе лист тонкого картона и принимался мягким карандашом вычерчивать зубчатые контуры вырубки. Когда чертеж был готов, Шпагин вооружался ножницами и сапожным ножом, аккуратно вырезал вырубку и потом, свернув ее в трубку, прикидывал, измерял, рассчитывал, соображая, где и как разместятся внутренние части автомата. Он засиживался до глубокой ночи, изрезывал по нескольку листов картона, упорно искал нужные профили, намечал и вырезал отверстия для размещения в них деталей автомата. Так создавался макет будущей системы.

Конечно, Шпагин мог бы привлечь чертежников, перенести все работы в конструкторское бюро, но он еще не был уверен, что его замысел увенчается успехом. Поэтому работал дома, втайне от всех.

Идея перенесения основных частей автомата на штамповку казалась ему находкой. Ведь если б удалось этого достичь, тогда производственный цикл сократился бы в несколько раз и в короткий срок заводы смогли бы наладить массовый выпуск автоматов.

Сколько бы человеческих жизней было сохранено! И, как знать, может быть, это приблизило бы конец войны… Высокая цель прибавляла ему силы, воодушевляла.

Карта вырубки была, наконец, составлена окончательно. Из

картона, фанеры, деревянных планок и брусков Шпагин вырезал детали затвора, спускового механизма и других частей автомата, стремясь при этом к предельной простоте конструкции.

Когда черновой макет автомата был готов и Шпагин уже душой чувствовал, что он придумал что-то свое, новое, не существовавшее в оружейной технике, он решился обо всем поведать Дегтяреву. Он хотел поступить так же, как когда-то Дегтярев, показавший Федорову черновой макет своего, знаменитого впоследствии, пулемета ДП.

И хотя Шпагин был теперь опытным конструктором с двадцатилетним стажем работы в творческом коллективе, а Дегтярев по-прежнему был его учителем и другом, он все же не без трепета принимал решение показать Дегтяреву макет своего автомата.

Двадцать лет зная Дегтярева, Шпагин не помнил случая, чтобы Василий Алексеевич покривил душой или проявил невнимание к талантливому предложению другого изобретателя. Он был уверен — Дегтярев скажет правду! Больше того, он верил, что, как бы ни было горько Дегтяреву отказаться от своей системы, он откажется от нее, если будет убежден, что новый автомат принесет большую пользу Родине.

35

Дегтярев уже давно догадывался, что Шпагин работает над каким-то макетом. Но что он разрабатывает: автоматическую винтовку, карабин, автомат или пулемет — об этом догадаться было трудно. Но как только Шпагин положил перед ним сверток, Дегтярев сразу сообразил, в чем дело.

— Автомат?

— Да, Василий Алексеевич… Принес как учителю, на ваш суд.

— Ну что ж, развязывай, поглядим…

Шпагин дрожащими руками стал распаковывать сверток. Дегтярев, закурив трубочку, спокойно наблюдал. Он всегда умел сдерживать себя и быть внешне спокойным, хотя глаза его загорелись: в них светилось любопытство и желание побыстрее узнать, над чем долгие месяцы трудился его молодой друг.

Шпагин, между тем, развернул макет и, скомкав бумагу, бросил ее в корзину. Он стоял потупившись, ожидая, что скажет Дегтярев. Ему не хотелось давать никаких объяснений, да Дегтярев и не нуждался в них. Рассматривая макет, он без объяснений понимал, что Шпагин задумал автомат очень своеобразный, и уже в этом примитивном макете старый конструктор увидел зародыш выдающегося изобретения.

Однако, по собственным неудачам зная, как горьки бывают разочарования, Дегтярев решил пока не высказывать Шпагину всего, что подумал о его макете, «Сейчас кажется, что все хорошо, но как покажет себя в работе готовый образец — не известно».

Рассматривая макет, Дегтярев старался отметить для себя, какие усовершенствования вносил Шпагин в его ППД, так как принцип автоматики был тот же самый — свободный затвор, действующий на отдаче и возвратной пружине. Но чем больше он присматривался к макету, тем меньше находил в нем сходства со своим ППД. Принцип работы механизма еще ничего не значит! И немецкий «Рейн-металл», и финский «Суоми», и его ППД — все эти автоматы построены по одному принципу. Но в то же время каждый из них отличался своеобразием. И это было естественно.

Каждый конструктор, создавая новую машину, должен превзойти те, которые были созданы до него. Но если в этих, ранее созданных машинах есть что-то хорошее, он — не должен пренебрегать этим хорошим ради оригинальности.

В истории оружия, как и в истории других видов техники, были определенные исторические эпохи. Была эпоха гладкоствольных ружей. Ее сменила эпоха нарезного оружия.

Ружья, заряжавшиеся с дула, сменило оружие, заряжавшееся с казны. Наконец, с изобретением Максимом первого пулемета настала эпоха автоматики. И здесь между изобретателями многих стран развернулось соревнование, как бы негласный поединок, за скорейшее создание новых типов и систем автоматического оружия. При этом каждый изобретатель дополнял другого, внося что-то свое, новое, лучшее. Каждое улучшение, каждая новая конструкция по значимости была равна своеобразному мировому рекорду. На каком-то историческом отрезке времени новый тип оружия становился лучшим в мире. Только при этом непременном условии он мог завоевать право на существование. И весьма редко бывали случаи, чтобы два типа одного и того же оружия, созданного разными конструкторами, принимались к производству одновременно. Обычно второй тип принимался лишь в том случае, если он оказывался лучше первого. Дегтярев отлично понимал, что если будет принят автомат Шпагина, то его ППД снимут с производства.

Но он меньше всего думал об этом. Война с белофиннами ценою жизни многих тысяч наших бойцов подтвердила срочную необходимость производства автоматов, и эти автоматы должны были все время совершенствоваться. Они должны быть лучше, чем у противника! Вот об этом и думал Дегтярев, рассматривая макет Шпагина.

Он не очень верил в успех штамповки. Наоборот, он был ее противником. По собственному опыту он знал, как много значит для надежности оружия хорошая обработка каждой детали. Но ведь Шпагин предлагал новое, именно то, чего еще никогда не было. Может быть, в этом новом таилось будущее оружейной техники? Дегтярев задумался… В нем боролись два чувства: сказать или не сказать об этом Шпагину? Он боялся неосторожным словом убить в человеке надежду и погубить хорошее дело в самом зародыше. Сказать только хорошее — тоже плохо. Над автоматом еще предстоит большая, упорная работа. Что же делать? Как поступить? Дегтярев поднял голову и встретился со взглядом Шпагина, в котором была и тревога и надежда.

— Ну что, что ты скажешь, Василий Алексеевич? — дрогнувшим голосом спросил Шпагин.

Дегтярев встряхнулся, решительно вскинул голову.

— А вот что; подбирай себе лучших слесарей и немедленно принимайся за дело. Нужно срочно создавать опытный образец! Я возлагаю на твою модель большие надежды.

— Спасибо, Василий Алексеевич! — горячо сказал Шпагин и, смахнув навернувшиеся на глаза слезы, выбежал из кабинета.

36

Шпагин давно дружил со слесарем Сергеем Горюновым, большим знатоком автоматического оружия и искуснейшим мастером. Они были почти одного возраста, и им на протяжении многих лет приходилось работать бок о бок. Шпагин знал, что Горюнов, как и он, в душе изобретатель. Особенно Шпагин ценил его сообразительность и почти ювелирное искусство в отладке и пригонке различных частей оружия. Многолетняя дружба вселяла надежду, что Горюнов не откажется от новой работы, а о лучшем помощнике трудно было и мечтать.

Как-то возвращаясь с работы, Шпагин догнал Горюнова. Пошли рядом. Шпагин — среднего роста, крепкий, широкоплечий, совсем непохожий на того худенького паренька, каким был в рекрутах. Горюнов — худощавый, сутулый, с лысеющим лбом.

Шпагин сразу же поведал Горюнову о своем автомате и спросил напрямик:

— Как, согласен работать со мной?

— Не знаю, — смущенно сказал Горюнов. — У меня голова забита своими изобретениями. Уж который год думаю о пулемете.

— Ты помоги мне, дружище. Дело это срочное, можно сказать, государственное. А потом и я тебе не откажу в помощи.

Горюнов ответил не сразу. Шел, покусывая губу, что-то соображая.

— Надо бы взглянуть на макет, Георгий Семенович. Посмотреть, что ты там удумал… а то вроде как бы кота в мешке выбирать приходится… А ты знаешь, если душа к работе не лежит, тогда проку не жди.

— Макет в бюро, Дегтярев, наверное, еще не ушел. Пойдем поглядим.

Горюнов знал, что если возьмется помогать Шпагину, то свои дела придется оставить, а этого ему сейчас не хотелось. Но увидев макет Шпагина, он словно застыл и долго не мог оторвать от него глаз. То, о чем думал он. Горюнов, долгими бессонными ночами, что хотел применить для изготовления отдельных частей своего будущего пулемета, а именно штамповку, Шпагин намечал широко и решительно! «Ах, молодчина!» — подумал Горюнов и протянул Шпагину руку…

Работа с первых же дней увлекла обоих, но она оказалась далеко не легкой. Им вручную приходилось делать то, что предназначалось для мощных прессов. Пришлось привлечь еще

нескольких слесарей, кузнеца, и все же работа затянулась не на одни месяц. Первый стреляющий образец был готов лишь в конце лета 1940 года.

Прежде чем представить автомат на комиссионные испытания, Шпагин решил тщательно проверить его в стрельбе. Вместе с Горюновым они отправлялись на стрельбище и целыми часами вели пристрелку. Им очень помогал Гриша Шухов, демобилизовавшийся из армии и работавший на заводе стрелком-испытателем.

Механизм автомата действовал неплохо. Правда, случались мелкие заедания, но они не пугали Шпагина. Волновало другое: при стрельбе автомат сильно подбрасывало вверх, отчего нарушалась кучность боя. А как устранить этот недостаток, никто не знал. Даже умудренный многолетним опытом Дегтярев становился в тупик. Удлинение или утяжеление ствола для создания противовеса решительно не годилось. Это могло утяжелить систему. А машина была уже в таком состоянии, что ее можно было показывать в Москве. Шпагин упорно искал выхода из трудного положения. Уходя с завода, часами бродил по окрестным полям, думал…

Однажды, возвращаясь домой вдоль линии железной дороги, он увидел с горки скорый поезд и остановился. Его внимание привлекли вращающиеся вентиляторы на крышах вагонов. Они приводились в действие силой воздушного потока. Шпагина вдруг осенило: «Ведь сила газа сильнее воздушного потока! Что если я часть газа заставлю ударять в верхнюю часть кожуха автомата? Не создаст ли это противовеса?»

Шпагин поспешил домой и, нарисовав дульный тормоз, срезал его конец не под прямым углом, а по диагонали, так, что верхняя часть кожуха выдавалась вперед и могла задерживать какую-то часть газов, служа компенсатором.

На другой же день предложение Шпагина было обсуждено в конструкторском бюро. Дульный тормоз изменили и испробовали в стрельбе. Результаты превзошли ожидание: автомат не подбрасывало, пули ложились точно в цель. Шпагин и все, кто трудились вместе с ним, решили представить образец в наркомат, надеясь, что он будет направлен на комиссионные испытания.

37

Перед отъездом в Москву Шпагин заколебался. «Не поторопились ли? — спрашивал он сам себя. — Может быть, еще поработать над образцом?»

Но все разгоравшийся на Западе пожар войны заставлял торопиться. Военный представитель, присутствовавший на стрельбище во время пробных испытаний автомата, сказал прямо: «Немедленно поезжайте в Москву, Георгий Семенович. Сейчас ваша машина особенно нужна армии». Но Шпагин помнил пословицу: «Поспешишь — людей насмешишь» — и перед отъездом еще раз решил посоветоваться со своим учителем.

Дегтярев был в кабинете один. Он встретил Шпагина, как всегда, приветливо.

— Ну что, Семеныч, едешь?

— Собрался, но как-то не по себе… Волнуюсь.

— Так бывает со всеми. Это пройдет.

— Боюсь, как бы не срезаться на испытании.

— Бояться нечего, машина твоя хорошая, ну а если и будут отмечены недостатки — беда невелика, поработаешь еще.

— Ты какие слабости видишь в моем автомате, Василий Алексеевич?

— По-моему, все хорошо. Вот только опасаюсь я за будущее, когда машина пойдет в производство…

— Почему же?

— Не верю я в штамповку, Семеныч. Тридцать пять лет на этом деле. Знаю, как нужна прочность каждой детали и как важна хорошая отладка. Разве достигнешь штамповкой того, что делается вручную? Сколько у нас бывало случаев, когда машину разрывало при стрельбе!

— Это я знаю.

— Ты должен думать о тех людях, которые будут стрелять из твоего автомата, воевать с ним. Ты несешь ответ за каждого бойца.

— Об этом я всегда думаю.

— Ну, коли думаешь — смотри! А только меня берет большая опаска, как бы не вышло плохо! Ведь ни в одной стране пока еще не пробовали штамповать оружие. Это — не консервные банки.

— Василий Алексеевич, но ведь нам же потребуются не тысячи, а, может быть, миллионы автоматов… Разве мыслимо вручную?!

— Да, верно… Ну ничего, будем надеяться, что все пойдет хорошо.

Шпагин вышел от Дегтярева расстроенный, но в Москву уже было сообщено, и ему пришлось ехать…

В наркомате рассматривали автомат опытные инженеры, ученые, специалисты из Главного артиллерийского управления. Мнения разделились — одни высказывали опасения, что система будет ненадежной из-за предполагаемой штамповки, другие решительно высказывались за штамповку, видя в этом огромный прогресс, способный двинуть вооружение на многие годы вперед. Решено было автомат отправить на полигонные испытания и уже затем определить, что с ним делать.

На полигоне, помимо членов комиссии, проводившей испытания, Шпагин встретил работников наркомата, Главного артиллерийского управления, знакомых конструкторов. Всех интересовала его машина. Внешний самый придирчивый осмотр образца оставил у комиссии хорошее впечатление. Было отмечено, что автомат (пистолет-пулемет Шпагина) на 600 граммов легче ППД. Это было уже немалым достижением. Комиссию поразила простота устройства нового автомата, удобство разборки и сборки.

В автомате Шпагина совершенно не было винтовых устройств — боец мог обходиться без отвертки; достаточно было отстегнуть застежку, чтобы деталь за деталью разобрать весь автомат. Оказалось в автомате и еще много достоинств. Шпагину удалось достичь большей начальной скорости пули, чем в автоматах иностранных марок и ППД, сделать переключатель для одиночной и непрерывной стрельбы и т. д.

Но некоторые из членов комиссии, вероятно уже осведомленные о результатах обсуждения в наркомате, выразили сомнения в прочности системы и предложили при испытании автомата на живучесть произвести не пятьдесят тысяч положенных выстрелов, а семьдесят. Шпагина это предложение обескуражило. Он даже подумал, что оно исходит от его недругов, а может быть, и вредителей. У него вдруг защемило сердце, чего раньше никогда не бывало. Он ушел в лесок в сторону от стрельбища и сел на пенек у старой сосны. Он слышал трескотню автоматных очередей, но так как для сравнения стреляли одновременно из ППД и некоторых иностранных автоматов, не мог разобрать голоса своей машины. Сердце кололо, Шпагин лег на траву, успокоился и, хотя автоматы яростно трещали, уснул. Напряжение последних дней было так велико, что стоило ему лишь сомкнуть глаза, как крепкий сон сразу же сковал его.

Он не проснулся бы, вероятно, до утра, но его хватились. Кто-то видел, как Шпагин шел в лес. К нему прибежал Гриша Шухов,

взятый на полигон стрелком.

— Георгий Семенович, вставайте, вас ищут. Победа! Честное слово, победа! Автомат без единой поломки сделал семьдесят тысяч выстрелов!

В мае — июне 1941 года — в самый канун войны — заводу было поручено приступить к серийному производству автоматов ППШ (пистолет-пулемет Шпагина).

38

Энский завод все еще не был достроен, поэтому организация массового производства ППШ сразу же натолкнулась на серьезные трудности. Не хватало помещений, не хватало нужной оснастки, недоставало специалистов и рабочих. А самое главное — на заводе почти не было прессового оборудования, так как он предназначался для производства автоматов Дегтярева, в которых штамповочные работы не проектировались.

В связи с изменением технологии приходилось срочно создавать кузнечно-прессовый цех, доставать и монтировать гидравлические прессы.

На это ушло немало времени. Шпагин нервничал, ездил в наркомат, жаловался в военное ведомство.

Наконец, когда все, кажется, уже было готово и завод начал производство ППШ, выяснилось, что в кузнечно-прессовом цехе смонтированы маломощные прессы. Они не могли из трехмиллиметрового листа штамповать необходимую вырубку. Пришлось мельчить операции, усложнять работу, делать главные штампованные части в несколько приемов.

Это бесило Шпагина. В воздухе пахло порохом. Что будет, если вспыхнет война? Можно ли при таком оборудовании организовать массовый выпуск автоматов?

Надо было срочно исправлять положение. Шпагин поехал в Москву и, добившись приема у наркома, высказал свои сомнения.

Нарком внимательно выслушал его и немедленно позвонил в Кремль.

На другой день, когда Шпагин явился на завод, там уже была получена телеграмма: «Срочно высылайте людей для приемки выделенного вам двухсоттонного пресса».

Шпагин просиял и чуть не заплясал от радости, но счастливое выражение исчезло с его лица так же быстро, как и появилось.

— Вы что это приуныли вдруг? — спросил директор.

— Боюсь, что опять начнется волокита.

— С прессом?

— Да… Ведь его нужно демонтировать, разобрать, погрузить на платформы… А платформ может не быть…

— Ну-ну, пустое,, я сам прослежу за доставкой, пошлю надежных людей.

— Это хорошо, но ведь монтаж тоже может затянуться на месяцы?..

— А мы на что? Давайте вместе возьмем это дело под личный

контроль. Согласны?

Шпагин пожал протянутую руку и ушел от директора успокоенный.

В середине июня большой пресс был смонтирован и опробован в работе. И директору, и мастерам, и рабочим было ясно, что теперь завод может начать действительно массовый выпуск автоматов.

Шпагин долго сосредоточенно смотрел, как из-под пресса с методической размеренностью вылетали готовые части автомата. Сердце его радостно стучало. На глазах выступили слезы.

Директор заметил это и подошел к конструктору.

— Ну, вот видите, Георгий Семенович, как дело-то пошло!.. Вы собирались навестить своих. Теперь самое время. Поезжайте, отдохните и возвращайтесь со свежими силами…

Ночью Шпагин был уже в родном городке. По сонным улицам он направился к дому. Осторожно, чтоб не разбудить детей, постучал в дверь. Ему открыла жена, напоила чаем и уложила спать. Было решено с утра всей семьей отправиться в лес, провести воскресенье на природе, покупаться, половить рыбу, побродить по душистым лугам…

В то памятное воскресенье рабочие с семьями утром отправились в лес на берег реки. Завком выделил для этого автомашины, вывез буфет.

На лужайке, под тенистым дубом, играл оркестр. Молодежь танцевала. Шпагин, встретив старых друзей, пошел с ними прогуляться по берегу.

Вдруг из-за кустов на тропинку выехал велосипедист и замахал белым платком.

Шпагин с друзьями остановился: «Что это он?»

Велосипедист, растрепанный, в мокрой майке, подъехал к ним и, тяжело дыша, облизав запекшиеся губы, выдохнул:

— Товарищи, — война!..

В тот же день Шпагин вернулся в Энск и сразу направился на завод. Еще издалека он услышал гул толпы. В заводском дворе шел митинг второй смены. Рабочие стояли, сурово сдвинув брови, и слушали гневные речи. Многие из них записывались в добровольцы, другие клялись работать день и ночь, чтоб удвоить, утроить выпуск автоматов.

Шпагин протиснулся сквозь толпу к наскоро сбитой трибуне. Его заметили, попросили выступить.

Шпагин чувствовал смертельную усталость. Во рту пересохло, он тяжело дышал. А рабочие, услышав его фамилию, притихли, ждали.

Шпагин вышел вперед, сорвал кепку, откинул набок влажные

волосы.

— Товарищи, случилось самое страшное. Фашисты напали на нас неожиданно, внезапно. Они рассчитывают вызвать в наших рядах растерянность и панику, подавить наши войска превосходством техники, запугать население жестокими расправами.

Он глубоко вздохнул, подбирая слова.

— Мы знаем, битва будет нелегкой. Мы знаем, что враг силен, коварен и опытен… Но он не запугает нас. Мы поднимемся все как один. Мы способны выставить войск вдвое больше. Нужно лишь дать этим войскам современное оружие. А это зависит от нас. Мы должны удвоить, утроить, удесятерить выпуск автоматов. В этом — наша главная задача! В этом — наш священный долг!..

— Правильно! Верно! — раздались голоса. Толпа зашумела, зааплодировала. Кто-то крикнул: «Ура!» — и оно гулко раскатилось по всей территории завода…

39

Вести с фронтов день ото дня становились тревожней. Наши войска отступали, оставляя врагу села, города, целые области. Помимо авиации и танков, противник бросал в бой все новые и новые пехотные дивизии, вооруженные автоматическим оружием. Вражеские автоматчики заходили с флангов, появлялись в тылу. Дикая трескотня автоматов в первые дни обескураживала наших бойцов, сеяла панику. В эти грозные дни родные переслали Шпагину письмо с фронта, сложенное треугольничком.

«Дорогой Георгий Семенович!

Я снова воюю и спешу сообщить Вам кое-что о наших делах. Гитлеровцы прут и прут, как очумелые. Они вооружены до зубов. У каждого солдата — автомат Шмайсера. Нам очень трудно. Вынуждены пока отступать… Передайте рабочим, инженерам, конструкторам, что бойцы и офицеры с нетерпением ждут Ваш автомат. Выпускайте автоматы как можно скорее и как можно в большем количестве. Дайте нам новейшее оружие, и мы разобьем врага.

По поручению бойцов
младший сержант, бывший стрелок-испытатель,
Григорий Шухов».

В обеденные перерывы Шпагин зачитал это письмо в главных цехах. Рабочие приняли на себя повышенные обязательства. Несколько молодежных бригад объявили себя «фронтовыми». Было решено выпустить сверх плана пятьдесят автоматов и послать их в часть, где служил Григорий Шухов.

Шпагин в это время получил возможность ознакомиться с трофейным автоматом Шмайсера. Он почти не отличался от «Рейн-металла». Шпагин принес его на завод, показал рабочим.

— Наш лучше, надежней!

— А главное — проще, удобней для бойца.

— Главнее всего — легче в изготовлении. Скоро мы запустим его на поток…

Шпагин, между тем, дни и ночи проводил в цехах. Он тщательно следил за работами, на ходу внося упрощения и улучшения в конструкцию.

А фронт с каждым днем приближался к Москве. Уже пали Минск и Смоленск. Завод неоднократно пытались бомбить вражеские пикировщики.

Завешенный маскировочными сетками, раскрашенный

защитными зигзагами, погруженный в темноту, завод продолжал ковать оружие для фронта.

Когда спускалась темнота, из его ворот уходили зеленые машины, крытые брезентом или замаскированные ветками. Они увозили оружие прямо на фронт.

40

Шпагину отвели маленькую комнатку в общежитии ИТР, но он там не показывался. Дни и вечера проходили в горячих делах, а ночью идти в общежитие уже не было сил. Он спал у себя в кабинете, прикорнув на диване или склонясь за столом, готовый вскочить в любую минуту.

Враг остервенело рвался к Москве. Завод превращался в своеобразную крепость: на крышах его цехов стояли зенитные пулеметы, вокруг завода — зенитные пушки. Было введено казарменное положение.

Начальники цехов, мастера и рабочие наиболее важных узлов переселились в цехи. Красные уголки и конторские помещения были превращены в общежития. Одна смена работала, другая отдыхала и несла охрану завода. Рабочий день, по воле рабочих, с восьми увеличился до 11–12 часов. От трехсменной работы перешли на двухсменную, чтоб заменить людей, которые ушли на фронт. К станкам пришла молодежь, женщины, старики-пенсионеры.

Шпагину в кабинет поставили походную кровать, надеясь, что он будет спать хоть урывками, в ночные часы.

После тяжелого дня, проведенного в цехах, Георгий Семенович снимал сапоги и, не раздеваясь, ложился отдохнуть.

Однако, прикорнув на походной кровати, Шпагин не мог уснуть. Помимо нервировавшей всех воздушной тревоги с диким завыванием сирен, его мучила душевная тревога. Это была тревога за семью, оставленную в родном городе, подвергавшемся бомбежкам, и за свой автомат.

Раньше Шпагина мучило лишь одно: как покажет себя автомат на испытаниях, примут ли его на вооружение армии? И когда автомат показал себя с лучшей стороны, он подумал: «Ну, теперь отдохну — трудности уже позади!»

Но с принятием автомата к производству возникли новые трудности. Нужно было участвовать в разработке технологии, упрощать и совершенствовать отдельные детали и части автомата. В связи с этим возникли споры, конфликты и множество самых непредвиденных дел, которые буквально закружили его.

«Вот наладим производство, — думал он, — тогда передохну, съезжу домой».

Но как только первые партии серийных автоматов были отправлены на фронт, Шпагин понял, что самая большая тревога только начинается.

Как покажут себя автоматы в боевой обстановке? Не будет ли осечек, заеданий, отказов в стрельбе? Достаточна ли их убойная сила? Ведь от них теперь зависит успех ближнего боя, жизнь сотен, а может быть, и тысяч людей… Эти мысли преследовали конструктора и днем и ночью.

Вот и сегодня, проведя день на важнейших участках производства — штамповке и сборке, уже поздно вечером он пришел в свой кабинет и лег на походную кровать.

Казалось, что после многих бессонных ночей, проведенных в убежище, под бомбами, сон мгновенно скует его тело, но «нет — сон не шел. Его отгоняла все та же мысль: как автоматы?

Шпагин поднялся, по прямому проводу соединился с наркоматом:

— Ну что, есть какие-нибудь сведения с фронта? Как ведут себя наши «ребята»?

— От «ребят» пока нет никаких известий, — ответили ему.

— А, черт! — выругался Шпагин и, закурив папиросу, стал ходить взад и вперед…

Время приближалось к десяти. Вот-вот должна была завыть сирена. Фашистские самолеты прилетали, как по расписанию… Но шли минуты, десятки минут, а тревоги не было. «Очевидно, решили сделать выходной», — подумал Шпагин. Он позвонил в цехи, справился, хорошо ли идут дела, и, дождавшись половины одиннадцатого, включил радио.

Известия в те дни передавались тяжелые. Наши части отступали, неся большие потери, оставляя город за городом.

Но, как правило, после сводки Совинформбюро передавались сведения об отдельных боевых эпизодах: о мужестве и героизме летчиков, танкистов, артиллеристов, о бесстрашных подвигах пехотинцев. Эти сообщения любил слушать Шпагин. Они ободряли людей, укрепляли веру в нашу армию, в ее окончательную победу над врагом.

И вот, жадно ловя эти радостные, обнадеживающие вести об успешных стычках с врагом и разгроме отдельных частей противника, Шпагин вдруг услышал:

— Сегодня на центральном участке фронта батальон фашистской пехоты атаковал роту советских автоматчиков. Наши воины под командованием старшего политрука Плотникова подпустили врага на близкое расстояние и открыли шквальный огонь. Противник, не ожидавший такого отпора, растерялся и панически бежал, неся огромные потери. В боях особенно отличился взвод автоматчиков под командованием Огурцова, зашедший фашистам в тыл и отрезавший им пути отхода. Бойцы Огурцова были вооружены новейшими советскими автоматами

конструкции Шпагина, которые показали отличные боевые качества и безотказность действия.

Шпагин бросился к директору, в партком, а оттуда в цехи, но оказалось, что об этом событии уже знал весь завод…

41

Когда фронт приблизился к Москве, на завод стали приезжать люди с передовой. Они горячо благодарили Шпагина и рабочих за добротное боевое оружие, передавали приветы и лучшие пожелания от бойцов и офицеров.

Живые рассказы о том, что созданный им автомат отлично показывает себя в бою, радовали Шпагина. Он решил сам поехать на фронт, поговорить с воинами, узнать, какие неполадки следует устранить, чтобы сделать автомат еще лучше. Однако поехать на фронт ему не разрешили. Надо было организовать производство автоматов на других заводах, к тому же приходилось на ходу вносить усовершенствования в систему. А это мог сделать лишь автор.

Все же Шпагину предоставили отпуск на три дня, чтоб съездить в родной город за семьей. Жизнь порознь, думы о родных и близких мешали сосредоточиться.

Но только удалось привезти семью, усилились воздушные налеты. Почти каждый день над Энском появлялись вражеские самолеты. Хотя завод был хорошо замаскирован, несколько бомб попали в корпуса.

На леты и бомбежки были страшны лишь в первые дни. Потом к ним привыкли. Даже во время налетов в цехах продолжалась работа.

Однако враг приближался. Заводы эвакуировались. Энский завод был единственным в Подмосковье, который снабжал фронт автоматами. Но вскоре и здесь был получен приказ: «Немедленно начать эвакуацию оборудования и людей. Завод подготовить к взрыву».

В двадцатых числах октября, когда стужа сковала землю и метели запорошили все вокруг, Шпагин и его товарищи по работе вместе с семьями погрузились в товарные вагоны. Накануне в них были установлены железные печурки, сколочены нары и скамейки. В ночь длинный эшелон с эвакуированными двинулся в путь.

Дорога была забита составами с оборудованием, музейными ценностями, архивами. То и дело приходилось пропускать поезда с красными крестами и воинские эшелоны. Двигались медленно.

Лишь седьмого ноября, в праздник, далеко за снежными холмами показались крыши домов с красными флагами. Это был маленький городок на востоке — Лесные Поляны.

Вот в этом городке, в трех корпусах шпульной фабрики, и предстояло разместить вывезенное из Энска оборудование —

основать новый оборонный завод.

Состав остановили на запасном пути, вблизи станции. Прямо в снег были свалены станки, моторы, динамомашины, ящики с инструментами и запасными частями.

Рабочих разместили по школам и клубам, так как местные жители, хотя и проявляли большое радушие, не смогли приютить у себя и половины приехавших.

На другой же день с утра рабочие собрались на станции. Добыв в соседней МТС два трактора, они на толстых железных листах перетаскивали тяжелые станки к корпусам. Там только что созданные бригады такелажников на железных катках вкатывали их в цехи, а монтажники устанавливали на места.

Каждый из рабочих понимал — нельзя терять ни минуты. И хотя мороз был лют и ветер не по-московски свиреп, люди работали с утра до ночи.

Полураздетые и полуразутые, с обмороженными руками и лицами, с красными от недосыпания глазами, почти каждый день полуголодные, рабочие трудились из последних сил. И завод был пущен через две недели. Уже в конце ноября первые автоматы, собранные на новом месте, были отправлены на Центральный фронт, где шли жестокие бои за Москву.

42

Завод стремительно расширялся; строились новые цехи, переоборудовалась электростанция, вступали в действие новые участки.

Шпагин все дни проводил в цехах. Расширение производства, налаживание поточных линий требовало его участия. Он внимательно наблюдал за штамповкой, за изготовлением главных частей, за отладкой и испытанием автоматов, за качеством металла, из которого они изготовлялись.

В конце ноября ему переслали из Москвы целую пачку писем фронтовиков. Солдаты и офицеры сердечно благодарили его за автомат и в то же время высказывали свои пожелания и советы. Из писем фронтовиков Шпагин сделал вывод, что прицел, рассчитанный на 600 метров, практически не нужен, так как бои идут на расстоянии 100–200 метров. Некоторые бойцы жаловались на непрочное крепление ремня.

Шпагин решил немедленно устранить эти недостатки. В том же цехе, где производились автоматы, он выбрал свободный верстак и приступил к делу. Новое прицельное устройство, предложенное им, было проще и удобней. Семь деталей удалось устранить, как ненужные.

Сложное приспособление для ремня он заменил сварной скобкой. Это было, может быть, не так красиво, но зато прочно.

Внося улучшения в конструкцию, Шпагин все время добивался упрощения технологии. Когда производство было поставлено на поток, специалисты провели хронометраж, сделали необходимые подсчеты и сами не поверили себе. При массовом производстве на автомат ППД затрачивалось 24 человеко-часа, а на ППШ только семь. Но Шпагин надеялся, что и эти затраты времени удастся значительно сократить. Он упорно думал над тем, чтобы себестоимость автоматов удешевить до предела, до стоимости консервных банок.

Шпагин был непоседой. Он не мог долго усидеть в кабинете — уходил в цехи, разговаривал с рабочими, мастерами. Если видел, что у кого-то не ладилась работа, сам становился к станку, учил, помогал. Письма, получаемые с фронта, Шпагин приносил в цех и, дождавшись обеденного перерыва, читал вслух. Тут же сообща обдумывались пожелания фронтовиков.

Как-то поздно ночью Шпагин обошел цехи и, заглянув в конструкторское бюро, увидел на своем столе несколько писем-треугольников. Он чувствовал тяжкую усталость, от бессонных ночей слипались глаза. Но разве можно было уйти домой, не

прочитав письма с фронта?

Шпагин развернул одно из них, и на стол выпала маленькая фотография. Боец, в шинели, с автоматом в руках, в лихо сдвинутой набок пилотке, показался знакомым. Задорные, немного насмешливые глаза, слегка приподнятые брови.

«Гриша Шухов», — подумал Шпагин и взглянул на обратную сторону.

Так и есть, этот бравый боец был Гриша Шухов — стрелок-испытатель с родного завода.

Шпагин обрадовался и стал читать письмо.

«Дорогой Георгий Семенович!

Не знаю, дойдет ли письмо — пишу наудалую, так как не знаю точного адреса. Но и не писать не могу. На днях в торжественной обстановке, перед строем, в присутствии генерала, нам вручили новое оружие — скорострельные автоматы ППШ. Вы можете представить, какова была моя радость. Ведь я был первым, кто стрелял из Вашего автомата, когда он был изготовлен еще в единственном экземпляре. Я, конечно, сейчас же доложил об этом командованию и был назначен инструктором по обучению бойцов стрельбе из автоматов. Автоматы Ваши действуют отлично. Мы уже своей ротой отбили несколько фашистских атак. И хоть они, подлые, прут и прут — скоро им будет могила! Мы насмерть встали у стен Москвы! Подлый враг будет остановлен и разбит. Примите большое спасибо от наших солдат и офицеров — защитников Москвы. И будьте уверены: подлый враг не пройдет!

Кончаю, жму Вам руку и желаю успехов.

Сержант Григорий Шухов.

Полевая почта 130127

Шпагин откинулся на спинку стула: «Молодец Гриша! В отца пошел…»

Вспомнилась молодость… 1916 год… рекрутский набор… империалистическая война… Вспомнился отец Григория, старый солдат Антип Шухов…

«Да, много воды утекло… Жив ли сейчас Антип?.. Уж, наверно, совсем стариком стал… давненько не виделись. А Григорий — молодчина! Сержант… Автоматчиков обучает. Видать, парень геройский… Надо ему ответить».

И Шпагин принялся писать письмо.

43

Лесные Поляны были диким, медвежьим углом. Несли б не железная дорога, эти места, очевидно, так бы и остались глухоманью. Название «Лесные Поляны» очень подходило к ним. Кругом дремучий шишкинский лес, запушенный снегом. Лес могучий, богатырский, глухой. Лес и снега.

Но в этой глуши люди жили упорной, напряженной жизнью, делая тяжелое, нужное дело. И этот медвежий угол, хоть и находился далеко от Москвы, был связан с Москвой живыми невидимыми нитями.

Весть о разгроме немцев под Москвой стала известна в Лесных Полянах в тот же день, что и в Москве. На площади около завода установили громкоговоритель, и там днем и вечером толпился народ, Слушали, обсуждали, радовались.

Шпагин сам несколько раз ходил на площадь, чтобы лишний раз услышать о том, что уже и так было хорошо известно. Но хотелось узнать подробности. Скоро пришла кинокартина «Разгром немцев под Москвой». Просмотрев ее, Шпагин по-настоящему понял, какую роль сыграло его оружие. Он видел автоматчиков в белых полушубках, врывающихся в фашистские блиндажи, видел солдат с автоматами на танках, входящих в подмосковные города и села. Он смотрел на экран — и сердце сжималось от радости. Он радовался тому, что его труд и труд большого коллектива оборонного завода не пропал даром, что оружие, созданное ими, надежно служит доблестным советским воинам.

Успех шпагинских автоматов на фронте подтвердил их исключительное значение в боях. И вот в Москве на автомобильном и одновременно на маленьком заводике счетно-аналитических машин начали налаживать производство ППШ.

Скоро изготовление автоматов Шпагина развернули на подмосковных заводах. В труднейшие дни войны, когда не хватало оборудования, людей, материалов, было по-настоящему оценено талантливое творение Шпагина. Удивительная простота конструкции, предусматривающая штамповку основных частей, позволила в короткие сроки организовать производство ППШ на многих заводах Москвы и Подмосковья. Автоматы шли на фронт все возрастающим потоком. Наступление наших войск продолжалось…

Письма с фронтов, которые получал Шпагин, по-прежнему становились достоянием коллектива, читались в цехах, печатались в заводской многотиражке. В этих письмах Шпагин

видел признание своих Успехов. Это признание скоро было подтверждено официально: Шпагину за создание ППШ была присуждена Сталинская премия первой степени, правительство наградило его орденом Ленина.

Георгий Семенович получил много поздравлений. Особенно растрогала его телеграмма Дегтярева. Старый конструктор искренне радовался успехам своего ученика, сумевшего дать армии лучшее оружие и решившего сложную задачу налаживания массового производства:

«Сердечно поздравляю замечательным успехом, дружески обнимаю, желаю новых творческих удач. Дегтярев».

Перечитывая многочисленные письма, Шпагин нашел одно, написанное старческой дрожащей рукой, и прослезился.

«Дорогой Егор!

Ты, наверное, уж забыл меня, старика. А вот я тебя хорошо помню. Помню, как мы с тобой выправляли винтовочные стволы, когда ты начинал свои первые шаги в нашем деле. Вспомни шестнадцатый год… Германскую войну… Ну, что, наверно, догадался, кто тебе пишет?

Я это и есть, оружейный мастер Яков Васильевич Дедилов. Кажется, первый твой учитель.

Помнишь, говорил я тебе однажды: «Быть тебе оружейником, Егор! И фамилия у тебя — Шпагин — самая оружейная». Не поехал ты тогда в Тулу, ну да все равно, вышло так, как я думал. Туляки теперь делают твой автомат. Стало быть, поздравляю тебя и целую, как сына.

Я теперь старик, на пенсии, а и то, как началась война, пошел на завод, работаю…

Хотелось бы свидеться с тобой, да теперь не до этого. Пропиши о своей жизни, о своих делах, если не забыл меня, старика.

Еще раз целую и обнимаю тебя.

Тульский оружейный мастер — Яков Дедилов.»

Шпагин еще раз перечитал письмо и бережно спрятал его в карман.

Да, именно там, у старого мастера Дедилова, начались его «первые шаги». Именно там в нем родилось желание сделаться оружейником.

44

Награды и слава не изменили Шпагина. Он остался таким же скромным, общительным, трудолюбивым. Так же целые дни и вечера проводил в конструкторском бюро и в цехах. Он любил жить в коллективе, на людях. Не только начальники цехов, мастера или инженеры, но и бригадиры и рабочие знали Шпагина, да и он знал почти всех.

Он любил поговорить с рабочими не только о производственных делах, но и о семье, о детях, житье-бытье. Любил в праздник забежать к кому-нибудь из рабочих или инженеров, работавших с ним, выпить рюмку водки, поговорить о событиях на фронте, об охоте или рыбалке.

Именно в это время он вынашивал мысли о создании еще более простой и лучшей конструкции автомата.

Нелегко было создать новую конструкцию, когда существующая пользовалась большой любовью. Но из писем фронтовиков, из бесед с оружейниками, из собственных наблюдений Шпагин накопил много материала, осмысливание которого убеждало его в том, что автомат можно и нужно улучшить: сделать его еще легче, проще, большее количество деталей поставить на штамповку. И он работал, работал вдохновенно, настойчиво.

После предварительных испытаний ППШ-2, показавших отличные результаты, заводу было поручено изготовить тысячу штук для широких испытаний.

Одновременно со Шпагиным над новыми образцами автоматов работали еще несколько конструкторов, в том числе талантливый конструктор-инженер А. Судаев. Автомат Судаева был тоже заказан для испытаний.

В 1942 году оба автомата были рассмотрены правительственной комиссией. И хотя автомат Шпагина ППШ-2 показал отличные качества и затраты в производстве его по сравнению с ППШ-1 сократились с 7 часов до 1 часу 55 минут, предпочтение было отдано автомату Судаева — он оказался и легче, и безотказней в стрельбе.

О Судаеве следует рассказать особо.

В созвездии советских военных конструкторов он вспыхнул поздней, но яркой звездой.

Как и Шпагин, Алексей Судаев начал свой жизненный путь с упорного труда. Только трудиться ему довелось в советские годы, и поэтому судьба его сложилась совсем иначе.

В маленьком чувашском городке Алатыре Алексей закончил

профтехшколу и сразу же поступил слесарем на завод. Любознательность, пытливый ум, наклонности к изобретательству были замечены мастерами, и Алексея послали учиться в техникум. Потом — служба в армии, знакомство с оружием, углубление технических знаний, практическая работа в армейских оружейных мастерских… Службу он заканчивает воентехником и поступает в Горьковский индустриальный институт.

Однако в институте он чувствует себя как-то не на Месте: его влечет армия, манит оружейное дело. Со второго курса Судаев переходит в Артиллерийскую академию имени Ф. Э. Дзержинского, становится учеником академика А. А. Благонравова.

Именно в академии Алексей Судаев находит свое призвание. Еще будучи на третьем курсе, он занимается конструированием — разрабатывает систему автоматического пистолета.

В 1941 году, получив диплом с отличием, он становится конструктором и с воодушевлением берется за создание своеобразной модели автомата.

Удачно сочетая в себе знания инженера и практические навыки слесаря, Судаев создает компактный автомат с откидным прикладом, удобный в обращении и надежный в бою. Тридцатилетний конструктор-коммунист направляется в осажденный Ленинград, где под обстрелом и бомбежками организует массовое производство нового автомата для войск, сражающихся в кольце врага.

В невиданно короткие сроки рабочие ленинградских заводов налаживают массовый выпуск несложных в производстве автоматов Судаева; и эти автоматы помогают доблестным советским воинам прорвать вражескую блокаду Ленинграда.

Замечательные автоматы ППС были достойно оценены воинами и правительством — изобретение Алексея Ивановича Судаева отмечено Сталинской премией.

Шпагин, познакомившись с Судаевым на испытаниях, одним из первых оценил его талантливое изобретение и от души поздравил молодого конструктора с большим успехом.

Советские конструкторы меньше всего думали о личных успехах, о славе и наградах. Их мысли и чувства сводились к тому, чтобы вооружить армию самым лучшим оружием. А кто его сумеет создать — сам конструктор, или его ученики, или товарищи по работе, — это было не суть важно.

Перед Дегтяревым была поставлена задача — создать легкий, надежный, дешевый и простой в производстве станковый пулемет, который бы заменил громоздкий «максим». Эту задачу

блестяще выполнил ученик Дегтярева и друг Шпагина слесарь Горюнов. И Дегтярев радовался этой победе своего ученика, как он радовался победе Шпагина или победе Симонова, создавшего одновременно с ним противотанковое ружье. Он радовался успехам своих друзей не меньше, чем своим собственным. Такое же чувство испытывал и Шпагин. Эта черта не присуща изобретателям Запада, где все построено на конкуренции и наживе…

Шпагин был горд тем, что его автомат продолжал надежно служить советским воинам и производство его не было прекращено. В то же время он продолжал трудиться. В годы войны на вооружение армии было принято еще одно изобретение Шпагина — ракетный пистолет. Конструктор был награжден вторым орденом Ленина и орденом Суворова II степени.

45

Как-то весенним утром, когда Шпагин сидел в рабочем кабинете, занимаясь конструкторскими делами, позвонили из проходной.

— Георгий Семенович, вас спрашивает какая-то женщина. Говорит, что она бывшая партизанка и хочет поговорить лично с вами.

Шпагин велел проверить документы и проводить партизанку к нему.

Скоро в кабинет вошла молодая красивая женщина. И хотя она была одета очень просто: в ситцевое платьице, выгоревшую жакетку и сильно поношенные туфли, — на нее нельзя было не обратить внимания. Темноволосая и чернобровая, со смелым взглядом больших карих глаз, она чем-то походила на цыганку.

— Я к вам с поклоном от деда моего Никанора Ильича, — заговорила женщина твердым звонким голосом. — Вместе партизанили на Смоленщине. Я его внучка, Настасья.

Шпагин усадил гостью на диван, велел принести чаю.

— Вы что — живете здесь?

— Нет, я приехала за ребенком. Сын у меня тут с родителями.

— Как же он попал сюда?

— Обыкновенно… Мы жили в Туле. Муж работал на оружейном. Перед войной я поехала навестить бабушку, в деревню на Смоленщину, а сына привезла к родителям в Энск.

— Понимаю, в деревне вас и застала война!

— Да, бабушка тяжело заболела, я не могла ее бросить… А когда она умерла, уж ехать было поздно… Остались мы с дедом вдвоем. А дед, знаете, какой?.. Мои, говорит, предки еще при Наполеоне партизанили, пойдем и мы в партизаны. Вы же помните, какой он?.. На цепь посади — и с цепи уйдет.

Шпагин попытался припомнить деда, но ничего не вышло…

— Ну вот, пошли мы в партизаны, стали жить в лесу. Дед в то время еще крепкий был. Учил, как строить землянки. Оборудовал кузницу в лесу. И лошадей ковал, и оружие чинил, и разную посуду делал из жести… Я первое время кашу варила, а потом надоело — партизанить пошла. Дед не пускал сначала, даже отлупить грозился. Ну да спасибо командиру — уговорил его.

Шпагин снова стал припоминать деда, перебирая в памяти разные встречи со стариками, и опять ничего не мог вспомнить.

— Подождите, — наконец прервал он рассказчицу, — да кто же все-таки ваш дед?

— …А вы… разве забыли? Он говорит, что вы его хорошо

помните.

Шпагин пожал плечами:

— Ладно, рассказывайте дальше.

— Вначале нас было мало: человек тридцать, это и с бабами, и с детьми. Потом стали подходить мужики из других деревень, бойцы, что выходили из окружения. Отряд вырос человек до трехсот, а потом и того более. Действовали мы по тылам небольшими группами. Взрывали мосты, сжигали склады, уничтожали транспорты и живую силу. О нас прослышали в Москве: стали сбрасывать снаряжение, оружие, патроны.

Раз, помнится, сбросили несколько ваших автоматов и три ящика с патронами. Дед у нас был за заведующего оружием, как опытный мастер. Он осмотрел автоматы и говорит: «Доброе оружие и больно способное для партизан, просто по устройству». Если, говорит, всех мастеров из отряда собрать, мы бы его сами могли изготавливать в эмтээсовских мастерских. Весь бы отряд вооружили автоматами. Запасных частей от покореженных автоматов много, а собрать да ложе сделать — не трудно.

— Ну, ну, и что же дальше? — заинтересовался Шпагин.

— Командир наш ухватился за это предложение. Вали, говорит, дед, организуй в тылу врага партизанские мастерские. А то туго у нас с оружием… Ну, дед, не долго думая, собрал опытных мастеров и — за дело!

— Неужели начали делать автоматы?

— А как же, еще какие автоматы-то были — залюбуешься! Я сама с таким автоматом воевала… Теперь, говорят, несколько этих автоматов взяли в музей. Будут народу показывать. Вот и велел мне дед разыскать вас и передать большое партизанское спасибо! Так и скажи, наказывал он: привет, мол, тебе, Егор, от деда Сазонова! Привет и партизанское спасибо за изобретение!

— Подождите, подождите, — остановил ее Шпагин, — от Сазонова, говорите?

— Да, от него…

Шпагин посмотрел на нее в упор и вдруг вспомнил:

— Глаза черные, борода, как у цыгана, лицо злое?..

— Да нет, дедушка совсем не злой.

— Вы внучка, говорите?.. Ну, конечно, очень, очень похожи на него… Так вот какой дед мне шлет привет! Как же не помнить его: империалистическую вместе ломали… Он оружейным мастером был!

— Ну вот и вспомнили моего деда! — обрадовалась партизанка.

— Вспомнил. Спасибо! Большое спасибо передайте ему!.. Значит, автоматы, которые собирал дед, хорошо действовали?

— Безотказно, товарищ Шпагин.

— Молодцом!.. Ну, еще раз спасибо вам, Настенька: за рассказы, за все… А теперь пойдемте, я помогу вам достать билет на поезд и продуктов на дорогу. Проводим вас, как самого дорогого гостя…

46

Война продолжалась. Наши войска, сокрушая охваченного паникой, но еще ожесточенно сопротивлявшегося врага, продвигались на Запад. Освободили Украину и Белоруссию, Прибалтийские республики, большую часть Польши. На главных дорогах появились большие стрелы с надписями: «На Берлин!»

В эти дни Шпагин, как и все советские люди, с радостью следил за продвижением наших войск. Красные флажки на карте приближались к фашистской столице. И было радостно думать, что в этом победоносном движении наших войск как бы участвовал и он. Если сам Шпагин не шагал с войсками, то с ними шагали, стреляли и штурмовали созданные им автоматы.

Письма, которые приходили в эти дни с фронта, были очень похожи друг на друга. Вот одно из них:

«Дорогой товарищ Шпагин! Сердечно благодарю Вас за прекрасное оружие — автомат ППШ. Я воюю с ним четвертый год, и он мне ни разу не отказал в бою. Прошел с ним от Москвы до Силезии и думаю дойти до Берлина.

С солдатским приветом рядовой Иван Петров».

Да, каждый из воинов мечтал дойти до Берлина. Каждому хотелось ощутить радость великой победы… И многие из них дошли!..

Уже после счастливого Дня Победы, после торжественного парада победителей на Красной площади, где ему довелось присутствовать, Шпагин получил фотографию из Берлина. На ней были изображены три автоматчика у огромной колонны поверженного рейхстага. Двое из них поддерживали третьего, который стоял на ящике из-под снарядов и кожухом автомата заканчивал выцарапывание надписи: «Гитлеру капут!» В этом автоматчике Шпагин узнал Григория Шухова. И ему захотелось по-отцовски обнять и расцеловать этого замечательного парня, прошедшего с его автоматом от Москвы до Берлина. Хотелось еще и потому, что Антипа Шухова уже не было в живых.

В июне Шпагин собирался в Москву. Он приехал на станцию минут за сорок до прихода поезда и вышел прогуляться на перрон. Его привлекли звуки гармошки, веселые голоса, смех. На третьем пути стоял состав с войсками. Около состава, между путей, плясали и пели. Шпагин направился туда.

Крепкий, коренастый, в ладно сидящем темном костюме, он шел твердой уверенной походкой. Звезда Героя

Социалистического Труда, медаль лауреата Сталинской премии и две колодки орденских лент, украшавшие его грудь, заставили солдат расступиться.

— Здравствуйте, товарищи! — приветливо улыбнулся Шпагин.

— Здравствуйте!

— Пришел взглянуть, не окажется ли тут землячка.

— Есть такие, товарищ Шпагин! — В распахнутой двери красного вагона стоял, лихо сдвинув набок пилотку, радостно улыбающийся старшина. — Мы все тут ваши земляки, все воевали с вашим ППШ. Ребята, это же Шпагин! — закричал он. — Конструктор пэ-пэ-ша!

Бойкий старшина вынырнул на круг.

— Ребята! Раз такое дело — качнем товарища Шпагина!

Десятки рук подхватили Шпагина, и он, не успев возразить, взлетел в воздух… Когда его опустили наземь, старшина опять очутился рядом.

— От лица всех автоматчиков нашей части благодарю вас, товарищ Шпагин, за безотказное боевое оружие!

— Спасибо, товарищи! — и, как бы благодаря всех, Шпагин крепко поцеловал старшину.

— У-у-у-у! — раскатисто загудел паровоз.

— По ва-го-нам! — крикнул старшина.

— Значит, на Восток?

— На Восток, товарищ Шпагин!

— Желаю удачи, друзья!

Поезд, лязгнув, медленно пополз.

Шпагин помахал рукой, улыбнулся уезжающим и еще раз крикнул:

— Желаю успехов, друзья! Возвращайтесь с победой!..

47

Трое автоматчиков: Григорий Шухов, Иван Кошкин и Федор Фролов — прошли с боями несколько стран.

Демобилизовавшись осенью 1945 года, друзья дали друг другу слово встретиться ровно через десять лет в Москве. И вот, 10 октября 1955 года на Красной площади около памятника Минину и Пожарскому прохожие увидели необычное: трое мужчин в штатском крепко трясли друг другу руки, целовались, что-то кричали наперебой и, наконец, в обнимку направились к фотографу, снимавшему группу экскурсантов.

Они сфотографировались на фоне старого Кремля, потом у памятника древним полководцам и лишь после этого уселись на трибуне у Кремлевской стены, чтобы поговорить по душам.

— Да ты совсем не изменился, Иван, разве чуть раздался в ширину… Да и ты, Федор, такой же, как был, — весело говорил друзьям Григорий Шухов. — А времени-то сколько утекло?..

— Да, десять лет пролетело, как один день, — степенно подтвердил Иван, — у меня сын вас обоих перерос.

— А у меня две дочки в невесты глядят, — с гордостью сказал Федор.

— Сильны автоматчики! — усмехнулся Григорий. — А я еще только собираюсь жениться.

— Что же ты при такой симпатичной рожице делал целые десять лет?

— Невесту подыскивал, — снова усмехнулся Григорий, — и, между прочим, институт кончал… Теперь инженер, работаю на заводе имени Дегтярева.

— Лихо! Узнаю старого фронтовика, — сказал Федор, — а меня вот в председатели колхоза избрали. Четвертый год командую. Нынче наш колхоз утвержден кандидатом на сельскохозяйственную выставку.

— Молодцом!.. А ты, Иван, до каких чинов дослужился?

— Дальше мастера не пошел… Тружусь на Ново-Златоустовском, где отец и братья работают.

— Ты ведь сталеваром был до войны?

— Подручным… А теперь старшим мастером, во втором мартеновском.

— Не учишься?

— Кончаю в этом году, заочно.

— Техникум?

— Индустриальный институт! Ты, Гришка, думаешь, рыжие мы с Иваном? Он ведь тоже на агронома учится. Чуешь?

— Что же, десять лет — не шутка! За это время кое-кто из наших фронтовиков в генералы вышел… Ну да и мы из рядовых выросли в командиры… А помните, черти полосатые, как по дорогам войны топали? Помните нашу любимую:

С неразлучным своим автоматом
Не в одной побывал я стране,
Но везде и повсюду, ребята,
Я скучал по родной стороне.

— Как же не помнить-то, ведь с этими автоматами мы прошли без малого через всю Европу.

— А слышали, ребята, ведь Шпагин-то умер… Ведь не старым еще был, когда я видел его в последний раз после войны…

— Да лет-то ему, кажется, было немного?..

— На пятьдесят шестом году…

— Жалко, ах жалко!

— Пойдемте, хоть могиле поклонимся. Если б не его автоматы, может, и мы давно бы лежали в земле…

Друзья поднялись и молча направились на Новодевичье кладбище.

Долго ходили они среди памятников и обелисков: маршалам, генералам, летчикам, выдающимся ученым, артистам — и вдруг увидели в траве мраморную плиту (памятник еще не успели соорудить). На ней золотыми буквами было написано:

«Депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, конструктор Георгий Семенович Шпагин.

1897–1952».

Друзья сняли кепки, в молчании склонили головы. Кто-кто, а уж они-то знали, какой вклад внес этот человек в общее дело победы над врагом. Оружие, созданное им, было самым распространенным и самым любимым у воинов. Пять миллионов автоматов выпустили за войну наши заводы! Сколько солдат с благодарностью произносили имя их творца!..

Друзья в молчании присели на скамеечку у могилы. Задумались… Каждый хорошо помнил, как в подмосковных лесах вручали им драгоценные автоматы. Они шагали с ними и в дождь, и в слякоть, и в стужу, и в зной. Шли по болотам и пескам, лежали в пыли и снегу, но никогда не подводило их в бою это замечательное оружие.

И на открытых полях, и в окопах, и в лесных чащах, и в полуразрушенных зданиях городов — в любых условиях шпагинские автоматы служили им безотказно.

Долго сидели друзья у могилы простого и скромного человека, вся жизнь которого была подвигом. Светлым и мужественным подвигом во имя народа!

День был хмурый и холодный. Собирался дождь. Но вдруг потянул ветерок, погнал свинцовые тучи. Неожиданно выглянуло солнце, и друзья увидели в его розоватых лучах строгое и величественное, устремленное ввысь здание Московского университета. Оно стояло прямо над ними на высокой горе, как величавый памятник героям, которые отдали свои жизни за Родину во имя счастья родного народа.